

Константин Образцов

от автора программы «Образцовое чтение»

Знакомьтесь,
литера-
тура!

от Античности до Шекспира

Константин Александрович Образцов

Знакомьтесь, литература! От

Античности до Шекспира

Серия «Образцовая литература»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69817279

*Знакомьтесь, литература! От Античности до Шекспира:
ISBN 978-5-17-156985-3*

Аннотация

Книга писателя и филолога Константина Образцова позволит по-новому взглянуть на важнейшие произведения мировой литературы, вспомнить забытое и узнать неизвестное! Это не учебник и не конспект университетских лекций, а увлекательное литературное путешествие по Европе сквозь пространство и время. Автор приоткроет тайны древних мистерий и расскажет об античных рок-звездах. Вы пройдете по следам драконов и эльфов, встретитесь с настоящими рыцарями на страницах первых романов, вместе с Данте спуститесь в адские бездны, а в шекспировском театре разберетесь в загадках знаменитого «Гамлета».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	9
Глава 1	15
Мифы творения	25
Олимпийские боги	40
Мифы о героях	96
Конец ознакомительного фрагмента.	123

**Константин
Александрович Образцов
Знакомьтесь,
литература! От
Античности до Шекспира**

© Образцов К.А., текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Существует историческая легенда о том, что Иосиф Бродский, преподавая литературу в американских университетах, был так огорчен низким уровнем начитанности студентов и узостью их кругозора, что в сердцах составил список из сотни авторов и названий книг, которые необходимо прочесть для того, чтобы иметь возможность просто поддержать беседу.

Очевидно, что имелась в виду беседа с эрудитом уровня Бродского.

Список этот достаточно давно имеет хождение в интернете, периодически выскакивая то тут, то там в новостной ленте, как безмолвный и неотразимый укор. Полагаю, что почти все его видели; также предположу, что многие закончили изучение этого впечатляющего перечня примерно на третьем пункте, где упоминается «Эпос о Гильгамеше», осознав, что образованным собеседником стать вряд ли получится. Впрочем, кажется, что за полвека изменились и времена, и стандарты: ныне для того, чтобы не показаться безграмотным, достаточно отличать Гоголя от Гегеля – ну, или хотя бы знать, кто такой Гегель! – а прочее подскажет Википедия.

Тем не менее, начитанность, образованность, широкий литературный кругозор по-прежнему остаются значимыми

положительными характеристиками любого человека, его интеллектуальным преимуществом, а кроме способности поддержать беседу, актуальным навыком является умение дискутировать, в том числе, и на темы культуры. Это довольно трудно делать, если знания ограничиваются лозунгами и ярлыками общепринятых заблуждений.

Известно, что в последние несколько лет значительно вырос читательский интерес к научно-популярной литературе в самых разных областях знания, причем не только к практически-прикладным, таким как психология или информационные технологии, но и к теоретической физике, квантовой механике, астрономии, биологии. Безусловно, это не может не радовать: мы, люди – вечные странники, открыватели нового, любознательные исследователи, и то, что в обществе, несмотря ни на что, растет интерес к знаниям, оставляет повод для оптимизма. Тем более удивительно – и печально! – что в ситуации изобилия популярных изданий по естественным и точным наукам почти полностью отсутствуют такие же книги по литературе.

Распространенный вопрос: что можно почитать, например, об античной культуре? А про миф или сказки? О Средних веках? Про Ренессанс? Безусловно, можно порекомендовать Аверинцева, Мелетинского, Проппа, Лосева, Бахтина, но блестящие работы этих выдающихся исследователей в большей степени подойдут уже достаточно подготовленному читателю.

Это как предлагать прочесть упомянутый шумерский «Эпос о Гильгамеше», чтобы было, о чем с вами поговорить.

Я несколько не умаляю значение популярной литературы по физике или астрономии: она расширяет сознание, помогает выйти за пределы обыденного, посмотреть на мир с непривычных сторон, разобраться в азах новой области знания. Я и сам люблю почитать Стивена Хокинга, Митио Каку или Дэвида Дойча. Однако, при всем уважении, нужно заметить, что теория струн или квантовая физика вряд ли оказали большое влияние на формирование образа мыслей и ценностей современного человека. А вот влияние литературы и культуры античности или Ренессанса на развитие цивилизации – бесспорно и колоссально.

История литературы – это история становления Человека, его мировоззрения, ценностей, чувств, представленная в динамике художественных образов и захватывающих сюжетов. Чтение произведений прошлых веков позволяет нам словно бы лично поговорить с людьми самых разных, иногда весьма отдаленных эпох – причем с наиболее одаренными, образованными и знающими людьми! – услышать свидетельство об их времени из первых уст, ибо каким бы фантастическим ни было литературное произведение, оно всегда создается, как слепок с натуры.

Нельзя объять необъятное и в рамках одной работы дать исчерпывающе глубокие знания по предмету. Эта книга не научная монография, не учебник, не конспект университет-

ских лекций. Ее цель – по возможности увлекательно дать системное представление об основных культурно-исторических периодах в истории литературы, логике их взаимосвязи, рассказать о ключевых идеях, темах, авторах и произведениях, сформировать минимально достаточный набор знаний образованного человека, который понимает принципиальные отличия культуры Средневековья от Возрождения, который в курсе, что романтизм – это не про любовь, и что жанра, к примеру, «хоррор» или «мистический триллер» не существует и не может существовать в принципе.

Уже упоминавшийся выше Сергей Сергеевич Аверинцев, выдающийся русский философ и литературовед, очень метко заметил: *«Хорошо, когда читатель дочитывает книгу с безошибочным ощущением, что теперь он не знает больше, чем он не знал раньше»*. Я надеюсь, что мне удастся не только рассказать о литературе, но и дать направление для самостоятельного изучения, побудить к тому, чтобы узнавать больше, понимать полнее, а главное, к тому, чтобы прочесть или заново перечитать те книги, о которых мы будем говорить. Потому что, помимо перечисленных рациональных выгод от изучения литературы, чтение – это прикосновение к прекрасному и удивительному, сопричастность гармонии, путешествие между эпохами и мирами, культурный ретрит, симпатичный маршрут для эскапизма, спасение, паломничество, в которое можно отправиться, не выходя из дома, и на пути в которое никто не в силах поставить преграды.

Часть 1

Античная литература

Само слово «античность» происходит от латинского «*antiquitas*», что означает «древний». В качестве термина это слово было принято сравнительно недавно, в XVIII веке, во Франции, где трансформировалось в «*antiquité*» и стало обозначать предметы искусства, относящиеся к ранним периодам истории европейской культуры. Известный всем *антиквариат* – близкий родственник этого слова.

Традиционно античной литературой принято называть художественные произведения, созданные в Древней Греции и Древнем Риме в период примерно с VIII–VII вв. до н. э.¹, то есть времени создания первых письменных литературных памятников, и до V в. н. э., момента падения Западной Римской Империи.

Таким образом, античная литература ограничена в своем определении не только хронологическим периодом примерно в 1300 лет, но и условными географическими границами Балканского и Апеннинского полуостровов; несмотря на огромную зону политического влияния Римской Империи и широту распространения греческих колоний, подавляющее

¹ На всякий случай напомним, что летоисчисление до нашей эры идет в обратном порядке, от большего к меньшему.

большинство произведений литературы, философии и изобразительного искусства были созданы в пределах современных Греции и Италии.

Однако понятие античной культуры имеет более широкие рамки, охватывая дописьменный период создания записанных впоследствии литературных произведений, а главное – формирования мифов и культов, на основе которых они были созданы. Кроме того, ареал культурного влияния античного мира куда более пространен, чем географические рамки, в которых творили греческие и римские поэты, философы и драматурги. Поэтому вы не ошибетесь, если скажете, что античная литература – это литература Древней Греции и Древнего Рима периода с VIII в. до н. э. до V в. н. э., а античная культура – греко-римская культура с древнейших времен до V в. н. э.

В истории мирового искусства не было такого периода, когда не ощущалось бы влияние античности. Добрая половина живописных полотен художников Ренессанса основана на сюжетах древнегреческих мифов (вторая половина – на сюжетах библейских). Они же вдохновляли многих писателей, поэтов, художников и композиторов XVIII–XIX вв., а эпоха Классицизма заявила эстетические принципы античности в качестве высокого образца, и даже была обязана этой концепции своим названием («*classicus*» по латыни это и есть собственно «образец»). Художественная и философская античная мысль и по сей день пронизывает не только миро-

вую живопись, скульптуру, архитектуру, литературу, кинематограф, гуманитарные и точные науки, но и общественную жизнь, и даже разговорный язык. Предположу, что каждый из нас ежедневно – и возможно, что не один раз! – так или иначе встречается с пережившими тысячелетия античными символами, образами и понятиями.

Лично мне для этого достаточно прогуляться по Петербургу: на Елагином острове в нишах стены у дворца я увижу почти весь пантеон олимпийских богов, на Марсовом поле меня встретит скульптурный Суворов в образе Ареса-Марса, в Летнем саду окружают нимфы, музы и аллегории, да и вообще, куда ни брось взгляд в центре города, с крыш домов, балюстрад, из стенных портиков выглядывают богини и боги, а над дверями парадных то и дело свирепо таращатся маскароны Горгон. Даже в спальных кварталах Гражданки, где я провел детство, есть кинотеатр «Прометей», а с ним рядом – соответствующая сюжету скульптура с титаном, орлом и огнем.

Впрочем, я уверен, что не только в Санкт-Петербурге, но почти во всех крупных городах непременно можно увидеть изваяния гениев, нимф и богов. Даже если ваш город совсем молодой или не самый большой, то в нем непременно найдется, хотя бы в виде росписи на стене пятиэтажки, изображение рабочего с обнаженным атлетическим торсом или колхозницы в ниспадающих складками одеяниях – знайте, они передают вам привет от традиций античного классицизма.

ма.

Античность дала нам три основных рода литературы: эпос, лирику, драму и сформировала основы поэтики.

Для современной науки по-прежнему актуальны Эвклидово пространство и закон Архимеда.

Мы рассуждаем о государстве, демократии и тирании, определения которым два с половиной тысячелетия назад дали Платон и Аристотель.

Популярные психологи регулярно упоминают «нарциссов», а столетием раньше так же часто обсуждали «эдипов комплекс» или «комплекс Электры».

Η ΕΚ ΤΟΥ ΑΓΓΑΜΑΤΟΣ ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ ΕΙΚΟΝ ΤΙ ΔΕ Η ΤΕ
ΧΝΗ ΤΗΣ ΨΥΞΕΩΣ ΔΙΑΦΕΡΙ :

AGNOSCE EFFIGIEM, NATVRAE MAXIMVS HIC EST
CONDVS OPVM, ATQVE IDEM PROMVS ARISTOTELES

ROMAE

ANNO · D · ∞ · Ϙ · LII

Ant. Leffing Row

Аристотель. Гравюра 1553 г.

Мы говорим: «это какая-то комедия!» или «это трагедия» – увы, про трагедию чаще; употребляем в речи устойчивые выражения: «ахиллесова пята», «троянский конь» и «сизифов труд», а при случае вспомним «вакханалию», «мистерию», а то и «эотику» с «оргией».

Ночью над нами сияют Марс, Венера, Сатурн и Юпитер, Кассиопея, Андромеда, Персей.

На наших кроссовках нанесен логотип в форме крыла богини победы Ники, да и сами они названы ее именем – Nike.

Такой ряд можно продолжать очень долго; уверен, что и вы с ходу назовете десяток разнообразных примеров присутствия элементов древнегреческой и древнеримской культуры в окружающей повседневности. Это с очевидностью подтверждает, что ни один период развития цивилизации не оказал такого всеобъемлющего влияния на современность, как культурная эпоха античности, мировоззренческой и этической основой которой была мифология.

Глава 1

Античная мифология

По различным оценкам, человек разумный как вид сформировался 200–300 тысяч лет назад. Около 60 тысяч лет назад люди начали активно расселяться по континентам. Примерно 50 тысяч лет спустя, за 8000 лет до н. э., после аграрной революции, кочевые племена и народы постепенно стали закрепляться на наиболее плодородных участках земли, образуя первые устойчивые национальные образования и протогосударства. Минувло еще пять тысяч лет, и появилась письменность, а с нею вместе – и литература².

Таким образом, первые люди, далекие прародители человечества, провели в вольных странствиях, в исследовании и поиске, в осмыслении мира и своего места в нем. Детство – основа личности человека, это скажет вам любой психотерапевт. Как бы ни влияли потом социальная среда и жизненный опыт, именно детские впечатления формируют структуру будущего характера, и человечество сформировано тысячелетиями путешествий, свободным бродяжничеством, пер-

² Собственно, термин литература происходит от латинского «*litera*», то есть «буква»; таким образом, формально литературой можно назвать все, что этими буквами записано, включая счет в ресторане или повестку в суд. Древнейшие памятники человеческой письменности – это именно хозяйственные записи и финансовые отчеты.

вооткрытием мира, во время которых складывались самые ранние мифы, легенды и песни.

*«Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.*

*Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня – событий
Рассеивается туман.*

*И, если подлинно поется,
И полной грудью, наконец,
Все исчезает – остается
Пространство, звезды и певец!»³.*

Существуют четкие маркеры, по которым археологи определяют, что нашли стоянку именно человека разумного, а не кого-то из его многочисленных предков рода Номо. И это вовсе не орудия труда, непременно атрибуты «человека умелого»; в конце концов, даже современные шимпанзе используют палки и камни для своих обиходных нужд. Первым признаком Номо Sapiens является наличие захоронений: не простого избавления от мертвых тел, брошен-

³ О. Мандельштам, 1913 г.

ных кое-как или небрежно прикрытых песком и камнями, но явных следов выполненного по определенным правилам ритуала, отражающего представление о потустороннем мире и жизни после смерти. Собственно, именно наличие таких представлений есть первое свойство разумного человека. Второй маркер – художественная фантазия, способность к творческому переосмыслению реальности, что является основой искусства. Один из самых ярких примеров проявления подобной фантазии – так называемый «Штадельский человеколев» – найденная в Швабском Альбе фигурка из бивня мамонта, изображающая человека с головой льва, выполненная с изрядной изобретательностью и мастерством. Неизвестный художник создал ее около 40 тысяч лет назад, примерно за 30 тысяч лет до аграрной революции и за 35 тысяч до первых письменных памятников. У этого художника каменного века имелись достаточно спокойный досуг, желание созидать и, что самое важное, способность к художественному вымыслу. Такая способность вместе с убежденностью в существовании иного, нематериального, духовного мира, и есть главные характеристические черты человека; благодаря им и рождается миф.

В современном языке слово «миф» окрашено несколько снисходительным или даже презрительным эмоциональным оттенком; определяя что-то как миф, мы обыкновенно имеем в виду выдумку. Но это не так. Миф – форма познания и объяснения мира при помощи творческого воображения и

через художественные образы.

Это главное, что нужно про него знать.

На протяжении десятков тысяч лет мифы предлагали людям стройные и исчерпывающие законы мироздания, которые для человеческого сознания были более достоверны, чем даже, казалось бы, очевидные факты. Для верующего миф неоспорим и неопровержим: он убедительно объясняет устройство мира, в то время как факт сам по себе не объясняет ничего. Собственно, и мировоззрение современного человека в значительной степени строится не на рациональном знании, а на эмоциональной убежденности в истинности той картины действительности, которую рисует избранная им одна из множества современных мифологических систем, на чем бы эта система ни была основана: на науке, религии или политической пропаганде.

С точки зрения социальной культуры, миф – это важнейший связующий элемент общества, скрепляющий его единством ценностей, взглядов на мироздание и свое место в нем. Как любая мировоззренческая система, миф отвечает на главные вопросы бытия: что такое этот мир и как он возник? Что такое человек? И что такое человек в этом мире? Ответы на эти вопросы формировались внутри различных культур в течение многих тысячелетий, и к моменту возникновения письменности, как правило, уже облекались в стройную мифологическую систему.

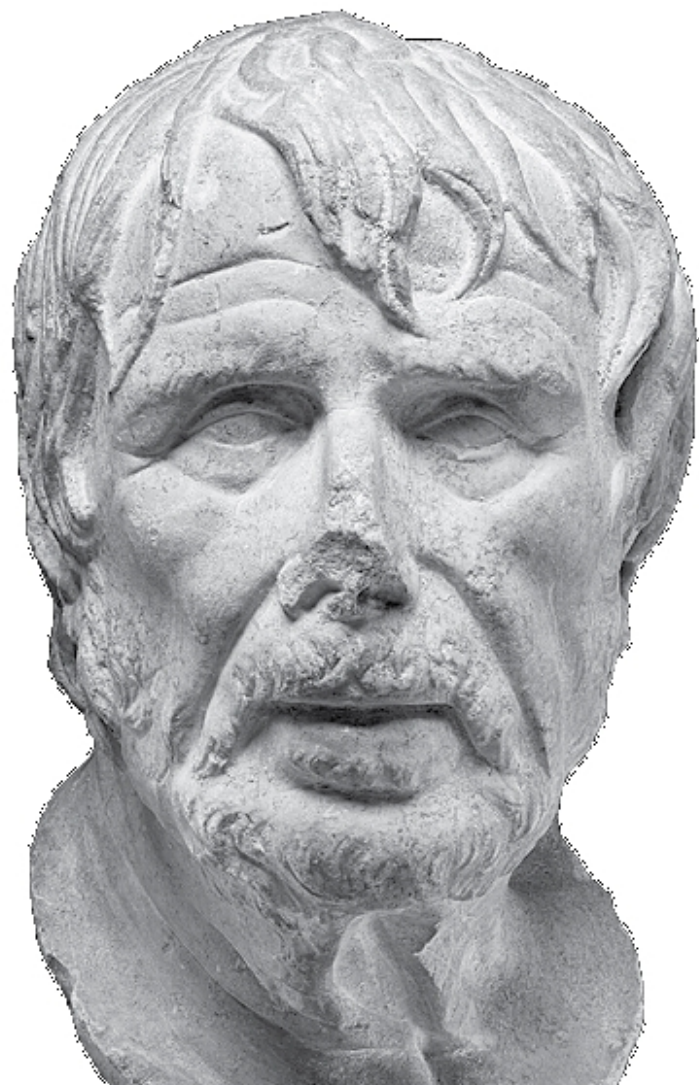
О системе древнегреческой мифологии известно в основ-

ном из литературных произведений: «Илиады» и «Одиссеи», трагедий Эсхила и Еврипида, но более всего из поэмы знаменитого **Гесиода** «**Теогония**», что в переводе значит буквально – «Происхождение богов».

Гесиод считается самым древним из античных поэтов, историческое существование которого достоверно подтверждено, а его «Теогония», вкупе с поэмой «Труды и дни» – первыми письменными памятниками античной литературы. О Гесиоде известно удивительно много, если учесть, что жил он в начале письменной эпохи, на рубеже VIII–VII вв. до н. э., то есть 2 800 лет назад. Он родился в городе Киме греческой Эолиды – сейчас это территория современной Турции; отец его занимался торговлей, но, по всей видимости, не слишком удачно, ибо впоследствии был вынужден перебраться из приморской Кимы в Беотию, центральную область Эллады⁴, где и крестьянствовал до конца своих дней. Гесиод – первый из древних античных поэтов, заявивших себя как индивидуальную творческую личность, и подкрепивший это веским обоснованием: по его собственному утверждению, еще в детстве на горе Геликон к нему явились местные нимфы и вместе с поэтическим даром вручили лавровую ветвь как материальное подтверждение богоизбранности. Кстати, сюжеты, в которых талант поэта был связан, порой весьма драматически, с нимфами, эльфами и прочими гениями места и низшими божествами, мы еще не раз

⁴ Эллада – античное название территории Древней Греции.

встретим в истории литературы. Что же до Гесиода, то высокое творческое призвание не помешало ему заниматься всю жизнь земледелием и достичь в этом несомненных успехов; в его первой большой поэме «Труды и дни» большая часть посвящена описанию крестьянских работ, сельскохозяйственным приметам, календарю и прочим подобным материям, а еще – увещеваниями, обращенными к брату, с которым Гесиод самым прозаическим образом судился из-за наследства. Второй была «Теогония», и в ней Гесиод в поэтической форме обобщил и систематизировал не только современные ему представления о богах, но и древнейшие мифы творения, обрывочные фрагменты космологического эпоса, уходящие через сумрак Темных веков к мистериям минойской и микенской цивилизаций, верованиям древних ахейцев и еще дальше, к культам и фетишам первобытного мира.

Мраморный бюст Гесиода, традиционно считавшийся изображением Сенеки. I век

Гесиод стал для древнегреческих мифов тем же, кем Снорри Стурлусон для скандинавской мифологии, Томас Мэлори для легенд о короле Артуре или Монтегю Саммерс для вампиризма и ведьмовства: гениальным компилятором, первым собравшим воедино множество разрозненных и зачастую противоречивых историй и создавшим из них единое гармоничное целое.

Бесспорно не установлено, был ли Гесиод автором и других приписываемых ему произведений: например, поэмы с интригующим названием «Каталог женщин» (именно так, потому что «*Κατάλογος*» – греческое слово), где подробно перечислены счастливицы, на которых обратили свое страстное внимание боги, а также последствия этого внимания, – почти каждый житель благословенной Эллады мог узнать, от какого божества идет его род. Но, судя по нескольким сотням сохранившихся фрагментов его сочинений, Гесиод остался верен и избранной теме, и своему божественному дару поэта.

Однако, при всем почтении к избраннику Геликонских нимф, мы, а также многие поколения советских и российских школьников, примерно с 20-х годов прошлого века и до наших дней, изучали древнегреческую мифологию вовсе не по Гесиоду.

Античные мифы для России открыл Николай Альберто-

вич Кун. Уверен, что это имя известно и памятно почти всем, как и его знаменитая книга «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима», которую обыкновенно задавали читать на лето между четвертым и пятым классом, как раз перед изучением соответствующего исторического периода. Моя книга была в изрядно потертой темно-синей обложке с темно-красным силуэтом поэта с кифарой в руках; пожелтевшие страницы распухли от времени и пахли библиотекой. Полагаю, что многим читателям моего поколения памятно именно такое издание, точно так же как, например, учебник истории пятого класса в черной обложке и с изображением триумфальной арки Пальмиры, ныне безвозвратно разрушенной войной.

Кун родился в 1877 году, в интеллигентной московской семье. Он был настоящим просветителем и педагогом, всю жизнь занимавшимся преподаванием: в женской гимназии, Берлинском университете, частном реальном училище, на Московских педагогических курсах, в Нижегородском народном университете; он руководил экскурсиями для русских учителей в Риме, вел занятия для преподавателей начальных школ, читал лекции с кинофильмами в рабочих клубах Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, Владимира, Нижнего Новгорода, Ярославля; позднее преподавал в МГУ, Московском педагогическом институте, Институте философии, литературы и истории и даже в музыкальном техникуме.

Первое издание его книги, посвященной античной мифологии, увидело свет в 1914 году и называлось «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях». Сам Кун адресовал ее «для учеников и учениц старших классов средних учебных заведений», что обусловило некоторые особенности пересказа отдельных историй. Подобно тому, как в свое время братья Гримм при литературной обработке народных сказок изрядно смягчили для читающей публики их бесхитростную крестьянскую жестокость, так же и Кун предпочел опустить подробности, чересчур откровенные для подростковой аудитории. Так, например, в оригинальном изложении у Гесиода богиня красоты и любви Афродита рождается в пене, которая образовалась из спермы оскотенного Кроносом Урана:

*«Член же отца детородный, отсеченный острым
железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
Той зародилась».*

Гесиод, «Теогония», 188–190.

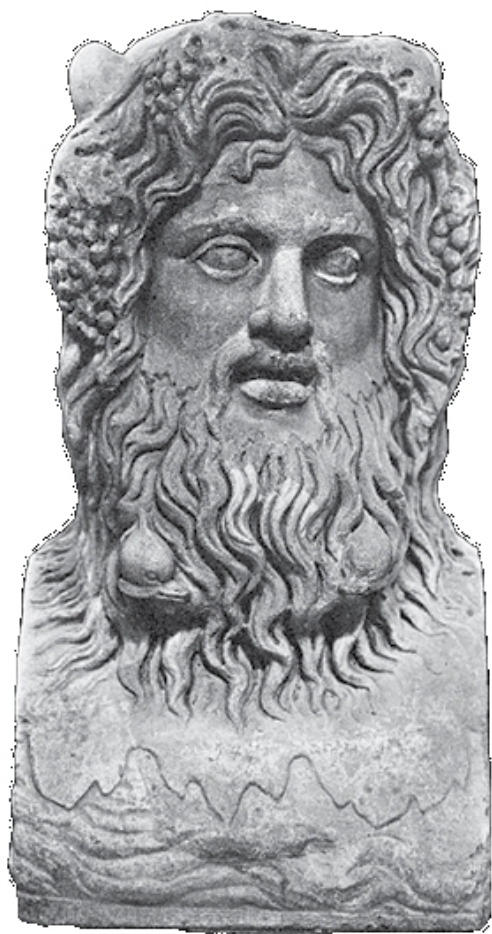
Кун же просто упоминает, что «тело ее бело и нежно, как морская пена, родившая ее», опуская лишние подробности, касающиеся природы этой нежности и белизны. Впрочем, сути такие умолчания не искажают. Для русского общества XX–XXI вв. книга Куна была и остается самым академиче-

ски исчерпывающим, популярным и доступным изложением греческих и римских мифов, а потому далее мы будем в основном опираться, как на источник, именно на нее. Разумеется, нет никакого смысла пересказывать полностью содержание этой великолепной работы. Мы лишь освежим в памяти ключевые сюжеты в той мере, которая необходима для понимания античной литературы – и первыми будут, разумеется,

Мифы творения

Итак, вначале существовал лишь вечный темный Хаос, в котором содержался источник жизни всего сущего. Из Хаоса произошла богиня Земли Гея, а также расположенный под Землей Тартар – мрачная, полная ужасов бездна. После этого свет отделился от тьмы: Хаос порождает Мрак-Эреб и Ночь-Нюкту, из которых возникли вечный Свет-Эфир и День-Гемера. Затем разделяется Земля и Небо-Уран, и космология постепенно приобретает некоторые антропоморфные черты: Уран берет в жены Гею и в браке с ней производит на свет шесть дочерей и сыновей, титанов природных сил и стихий, например, Океана, а еще светоносных Гипериона и Тейю, в свою очередь породивших Солнце-Гелиоса, Луну-Селену и Зарю-Эос, более известную нам – и особенно петербуржцам – под римским именем Аврора. Первичное обустройство мира было в общих чертах завершено: уста-

новлена смена дня и ночи, на небе зажглись соответствующие времени суток светила и звезды, по земле потекли реки, а четыре ветра – северный Борей, восточный Эвр, западный Зефир и южный Нот – задули с разных концов света и принялись гонять облака. Но тут что-то впервые пошло не так.

Бюст Океана. 1859 г. Фотография Джеймса Андерсона (1813–1877)

Ночь и ее дети Эфир и Гимера (Гесиод, Теогония). Ок. 1810–1815 гг. Художник: Генрих Фюсли (1741–1825)

Битва богов и великанов. Амфора (кувшин) Ок. 525–500 гг. до н. э.

Гея неожиданно порождает трех одноглазых великанов – циклопов, и еще трех громадных, пятидесятиголовых и сто-руких «гекатонхейров» (что в переводе, собственно, и означает «*сторукий*»). Уран радости от рождения подобных детей не испытал и буквально засунул их обратно – в породившую великанов Землю, заключив их там в глубоком мраке. Страшное бремя терзало и давило несчастную Гею; она изготовила из металла острый серп и призвала детей-титанов восстать против отца. На это согласился только один, коварный титан Крон, или Кронос, чье имя означает «*время*». Кун деликатно сообщает нам, что Крон лишил Урана силы; от более откровенного Гесиода нам известно, что Крон довольно решительно воспользовался серпом, после чего сверг Урана и захватил власть. Этот акт безусловного зла дал начало его распространению по Земле: очаровательная Афродита, появившаяся из пены, взбитой отрезанным половым членом, была единственным приятным последствием кастрирования Урана. Из капель его крови родились богини мщения Эринии и змееногие великаны, а Ночь в наказание Кро-ну произвела целый сонм пренеприятных персонажей: Тана-та – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Кер – разруше-ние, Немесиду – возмездие и Гипноса – бога сна. Но не того сна, после которого чувствуешь себя отдохнувшим; то был

бог сонного паралича, оцепенения и кошмаров. Мир из довольно симпатичного места разом стал юдолью страданий и страха.

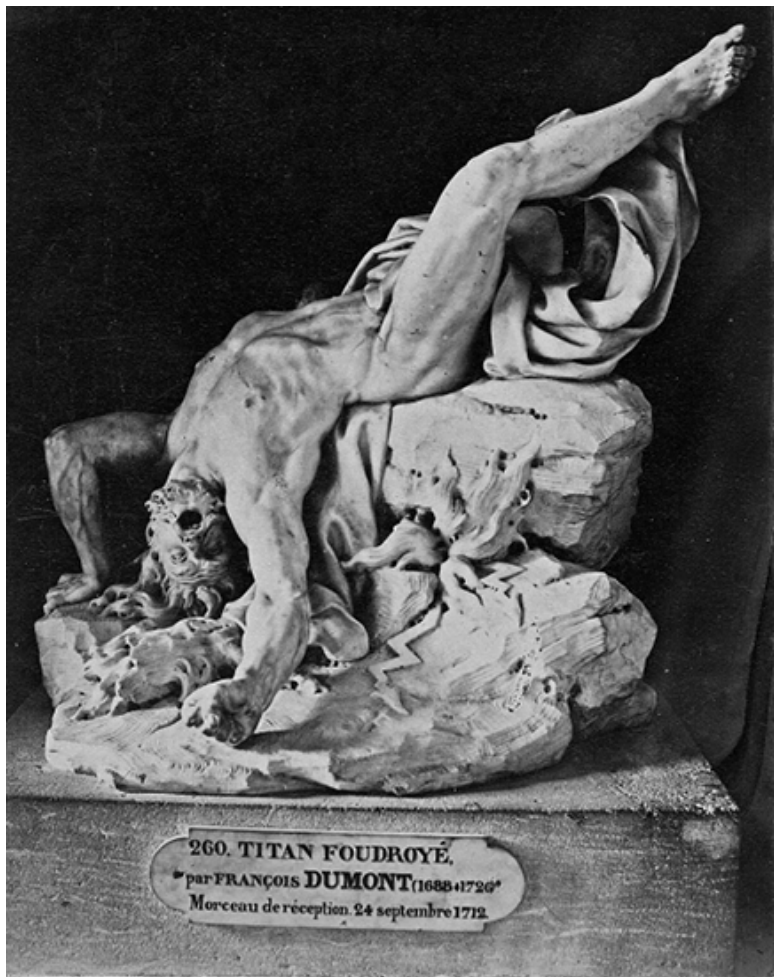
Более всего страх терзал самого Крона: вероломно свергнув отца, он и сам боялся быть низвергнутым своими детьми. Мысли о серпе не давали покоя. Крон повелел своей жене, титаниде Рее, приходившейся ему одновременно и сестрой, и супругой, приносить ему всех новорожденных детей, которых он без всякого сожаления проглатывал. В данном случае более поздний антропорфизм снова чуть уступает символическим смыслам архаики: представить себе такое с человеческой точки зрения почти невозможно, но если увидеть Крона как образ всепоглощающего времени, то картина станет более приемлемой для восприятия. Как бы то ни было, но Крон проглотил таким образом Гестию, покровительницу домашнего уюта, богиню плодородия Деметру, будущую первую леди Олимпа Геру, а также ставших впоследствии владыками подземных и подводных глубин Аида и Посейдона. Рея, стремясь спасти от Крона хотя бы одного ребенка, удалилась на остров Крит, где в тайной пещере родила Зевса, а жестокосердому родителю вместо младенца подсунула завернутый в пеленки камень, который тот и заглотил, нимало не заметив подмены. Зевс подрос, вошел в силу и немедленно воплотил в жизнь худшие страхи своего отца Крона: он заставил его для начала извергнуть обратно проглоченных сестер и братьев, а потом с ними вместе всту-

пил с Кроном в борьбу.

Началась война поистине вселенских масштабов. Зевс с братьями, сестрами и некоторыми примкнувшими к ним титанами закрепились на Олимпе, Крон с прочими титанами и титанидами яростно атаковали. Зевс обратился за подмогой к циклопам, а потом освободил и гекатонхейров. Сторукые гиганты вырывали из земли целые скалы и обрушивали на титанов, Зевс разил молниями, моря кипели, горы плавились, мир содрогался, пока, наконец, титаны не были побеждены. Их сковали и низвергли в мрачные бездны Тартара, в вечную тьму, а охранять поставили тех самых гекатонхейров, вернувшихся в подземелья, но сменивших статус с узников на сторожей.

Гигантомахия (битва богов и гигантов). Терракотовая колонна-кратер (чаша для смешивания вина и воды) Ок. 540 г. до н. э.

Титан, пораженный молнией. 1852–1864 гг. Фотография
Томмазо Куччиони (1790–1864)

Последним актом космической битвы стала схватка Зевса с Тифоном. Земля-Гея, до поры сочувствовавшая Зевсу и даже помогавшая Рее прятать его в пещере на Крите, посчитала вечное заточение в подземном мраке слишком суровой карой для своих детей-титанов и в союзе с Тартаром породила кошмарное стоглавое огнедышащее чудовище – Тифона. Это последнее яркое проявление Геи-Земли в качестве активного действующего лица: за пределами мифов творения она практически не субъектна и как личность очевидно отделяется от земли как стихии. Уран в большей степени тоже частный персонаж, а не само Небо – от того, что его оскостили и свергли с престола, небесный свод не рухнул и не разверзся.

Тифон удался Гее на славу. Снова кипели моря и реки, дрожали горы, горел воздух, грохотали раскаты грома, пока Зевс не испепелил молниями все сто голов Тифона, а его обуглившуюся тушу бросил обратно в породивший его мрак Тартара. Здесь тоже не обошлось без неприятных последствий: Тифон успел произвести на свет адского пса Цербера, знаменитую Лернейскую гидру и чудовищную Химеру. Но в целом установление космологического порядка было завершено, и в мире воцарилась относительная гармония.

Эта впечатляющая феерия имеет как явные признаки первобытной архаики, так и некоторые общие черты с космогонической мифологией других мировых культур. Мы ви-

дим инцест, в контексте мифологического сюжета существующий как социальная норма: безусловное эхо древнейших времен, когда замкнутость локального племени не оставляла иных шансов найти себе пару, как только среди ближайших родственников. И это еще не худший выбор – Гея, например, и вовсе сперва произвела на свет Урана-Небо, а потом уже принялась рожать от союза с ним титанов и титанид.

Очевидны следы перехода от матриархата, характерного для ранних аграрных культур, к более позднему патриархальному обществу: об этом говорит ожесточенная борьба с чудовищами, которых, одно страшнее другого, извергает из своего чрева первобытная Мать-Земля.

Наконец, пресловутый детородный член, отсеченный у злосчастного Урана серпом – сельскохозяйственным орудием! – представляет собой широко распространенную мифологему патриархальной аграрной культуры, в которой напрямую увязывалась половая потенция вождя с его способностью править, причем утрата оной приводила порой не только к потере власти, но и к бесплодию самой земли. Мы еще встретим такие сюжеты в легендах других времен и народов.

Вообще, схожесть архаических мифов творения различных, весьма удаленных друг от друга древних культур, общеизвестна. Практически везде первичными состояниями являются мрак и хаос: скандинавская бездна Гиннунгагап, иудео-христианская «тьма над бездною», загадочный китайский «хуньдунь», который то ли сам хаос, то ли символизи-

рующее его существо, лишенное органов чувств и похожее на яйцо – такое же, какое рождается из огня в мифологии индуизма.

Также почти везде упоминается вселенских масштабов битва, предшествовавшая периоду относительной стабильности и гармонии. Например, индуистский бог Индра сокрушил коварных змееподобных асуров, а его союзник Рудра низверг их с небес, при этом испепелив и самих асуров, и принадлежавшие им волшебные летающие города. Популярный ныне скандинавский Один вместе с братьями Ве и Вили восстал против богоподобного великана Имира и его сыновей – совсем как Зевс против Крона с титанами. Всем известно и предание о свержении с небес Сатаны вместе с примкнувшими к нему падшими ангелами, проигравшими сражение архангелу Михаилу и его летучему воинству. Но в данном случае речь скорее идет о позднейших интерпретациях, потому что в библейской Книге Бытия, повествующей о сотворении мира, о таких событиях нет ни слова. Намек на них содержится только у пророка Исаии, упоминающего *«денницу, сына зари»*, что намеревался *«сесть на горе в сонме богов, вознести престол и стать подобным Всевышнему»*, но вместо того оказался *«низвержен во ад, в глубины преисподней»* (Ис., 14, 12–15). Конкретно же о войне говорится только в последней части Нового Завета, Откровении Иоанна Богослова: *«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его*

воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр., 12, 7–9), причем, учитывая апокалиптический контекст, это может быть как рассказ о прошлом, так и пророчество будущего.

Впрочем, нас сейчас интересуют исключительно древнегреческие мифы творения и их определяющее влияние на мировоззренческую систему античности и основанную на ее ценностях литературу. Главное, на что нам нужно обратить внимание в этом контексте – взгляд на добро и зло.

Любые архаические космологии обязательно задают основу для принципиального различения добра и зла. Это сделать непросто, если из системы морали исключен человек – а самые ранние мифы, как правило, повествуют о том, как возник и каким был мир до появления человека. Мы привыкли описывать оппозицию добра и зла при помощи гуманистических ценностей: то, что приносит вред человеку, причиняет ему страдания, лишает благополучия и самой жизни есть зло; то, что исцеляет, спасает жизнь и делает ее счастливой – добро. В отсутствии человека необходимо назначить иные нравственные и смысловые координаты понятиям добра и зла, определить их через что-то еще. В монотеизме такой координатой становится единый Бог, безусловное послушание воле которого есть добро, сопротивление – зло. Ценность че-

ловеческой жизни, не говоря уже о ее качестве, в этом случае становится второстепенной: так, например, сегодня при попытке перечислить десять христианских заповедей всякий начнет с «не убий», потому что мы, современные люди, воспитаны в гуманистической системе. На самом деле, эта заповедь не первая, а шестая, а первые пять регламентируют отношения человека и Бога, определяя таким образом нравственную иерархию всей религиозной системы.

Древнегреческая мифология не знает монотеизма, поэтому дихотомия добра и зла опирается на понятия порядка и хаоса – ключевые для античного мира. Добро есть упорядоченность и гармония – тоже древнегреческое слово, *ἀρμονία*, обозначающее безупречное сочетание частей целого. В более широком смысле гармония определяется как непротиворечивое единение противоположностей, их мирный союз; недаром богиня Гармония покровительствовала согласию и счастливому браку, а сама была дочерью Ареса и Афродиты, богов войны и любви.

Зло в этой системе координат есть разрушение гармонии и порядка, космическая энтропия, угрожающая ввергнуть мир в хаос. Вне зависимости от того, прав ли был Уран, заключив сторуких чудовищ в недра Земли, бунт против отца со стороны Крона был несомненным нарушением установленного порядка, а потому стал причиной обрушившегося на мир хаоса и рождения ужасных чудовищ. Он и сам сделался одним из них, монстром, проглатывающим собственным детей,

а потому потребовалась новая война Зевса с Кроном, чтобы исправить нарушенную гармонию мира и восстановить ее на новом уровне. Когда улеглись пыль и пепел последних сражений, для поддержания этой гармонии был устроен новый равновесный порядок, основными хранителями которого стали

Олимпийские боги

Громовержец **Зевс** (рим. *Юпитер*) обосновался на вершине Олимпа. Он взял в жены свою сестру, богиню **Геру** (рим. *Юнону*), которая с этого момента, в соответствии со статусом, стала покровительствовать брачным узам и семейному очагу. Собственный брак Геры, впрочем, вряд ли можно было назвать безмятежным: добрая половина ранних мифов о богах и героях так или иначе содержит сюжеты о супружеской неверности Зевса, его бесчисленных связях с богинями, полубогинями, смертными и о народившемся от этой связи потомстве. Современные адепты популярной психологии увидят в этом типичное нарциссическое поведение, поиск постоянного подтверждения своей привлекательности и признания окружающим миром, что является прямым следствием детской травмы отвержения и, мягко говоря, непростых отношений с отцом Кроном. Но с точки зрения социальной культуры, такое поведение характерно для традиционного патриархального лидера, которому необхо-

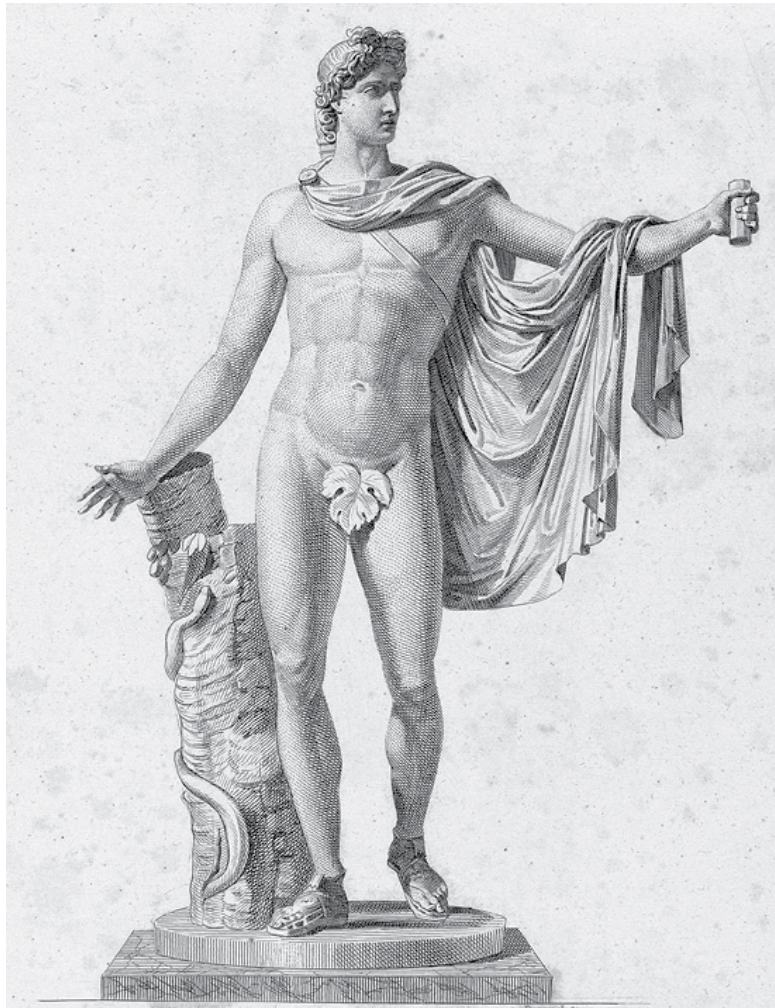
димом регулярно демонстрировать половую активность и подтверждать сексуальную потенцию с тем, чтобы его не заподозрили в слабости. При этом, что любопытно, Зевс всячески стремится скрыть свои похождения от супруги, Гера преследует его пассий, и в итоге это рождает сюжеты, более подходящие новейшим трагикомедиям, нежели мифам о божественном мироустройстве.

Скульптура Зевса или Юпитера в музее Ватикана. Фото
1870–1890 гг.

Гера, бюст. Фото 1859 г.

Аполлон. 1825 г. Художник: Ашер Браун Дюран (1796—

Многие из высших олимпийских богов тоже являются внебрачными детьми Зевса: например, рожденные титанидой **Лето** (рим. *Латона*) бог **Аполлон** и его сестра **Артемиды** (рим. *Диана*). Гера всеми силами препятствовала их рождению: наложила запрет земной тверди давать Лето место для родов, натравила на нее чудовищного змея Пифона, удерживала на Олимпе божественную повитуху Илифию, так что в итоге рожать титаниде пришлось самостоятельно, на плавучем острове Делос, мучаясь схватками девять дней. Позже выросший и вошедший в силу Аполлон выследил Пифона и расстрелял его из лука золотыми смертоносными стрелами, а на том месте, где зловещий змей испустил дух, основал в городе Дельфы знаменитый оракул, у которого можно было узнать волю богов и виды на свое будущее. Лук и стрелы – постоянный атрибут Аполлона, равно как и кифара, струнный музыкальный инструмент древних рапсодов, использовавшийся для аккомпанеента рассказываемым нараспев историям; на Руси такую же роль исполняли гусли у сказителей былин. Кифара атрибутирует Аполлона не только как меткого стрелка, но и покровителя наук и искусств, поэтому в зону его влияния входят девять муз (к слову, все девять – дочери Зевса и титаниды Мнемосины, приходящейся ему тетей): Каллиопа – муза эпической литературы, Эвтерпа – муза лирики, Эрато – муза любов-

ных песен, выделенных в отдельное жанровое направление; еще есть Мельпомена – муза трагедии, Талия – муза комедии, Терпсихора – муза танцев и Полигимния – муза священных песнопений. Обратим внимание на Уранию – музу астрономии и Клио – музу истории, что позволяет считать эти науки самыми древними в истории человечества, а также на то, что нет музыки собственно музыки, самостоятельных музыкальных произведений, исполняемых отдельно, а не в качестве аккомпанемента декламированию стихов или театральному представлению; очевидно, что это искусство в своем современном виде возникло в более поздние периоды. Помимо всего перечисленного, Аполлон также покровительствует медицине, а его сын **Асклепий** (рим. *Эскулап*) является богом врачей и врачебного дела.

Отец Психеи советуется с оракулом Аполлона. Художник:

Барон Франсуа Паскаль Симон Жерар. 1796 г.

Аполлон и музы. Гравюра по Джулио Романо, 1499–1546 гг.

Эскулап (Асклепий). Каменный барельеф. Фото 19 в.

Родная сестра-близнец Аполлона, **Артемида**, также отлично владеет луком и стрелами. Она покровительствует охоте, в более широком смысле – диким зверям, лесам, живой природе, что в архаические времена не являлось противоречием: человек мыслил себя как часть живого целого, и, добывая пропитание охотой, был не более виновен в пролитии крови, чем любой хищник. Кроме того, Артемида – богиня-девственница, причем девственница бескомпромиссно

строгих правил, безжалостная и смертоносная по отношению к тем, кто на эту девственность посягает, пусть и самым невинным образом: например, охотника Актеона, случайно увидевшего ее обнаженной, она превратила в оленя, которого растерзали его собственные гончие псы. Эта жестокость в сочетании с девственностью и некоторыми чертами тотемизма – например, в древности ее порой изображали в виде медведицы – позволяет предположить, что генеалогия Артемиды восходит не только к олимпийским богам, но и к неизмеримо более древним божествам первобытных охотников доаграрных времен.

Непростым было и рождение бога **Диониса** (*рим. Вакх*), сына Зевса и Семелы, дочери фиванского царя Кадма. очередной раз выследившая мужа Гера, приняв облик знакомой Семелы, надоумила ту попросить у своего кавалера явиться в полном блеске божественного величия – если он, конечно, Зевс, а не какой-то сомнительный самозванец. Беременная Семела уговорила Зевса доказать ей, что он точно бог, и дело окончилось трагически: громы и молнии сотрясли все вокруг, вспыхнул пожар, и Семела скончалась, не выдержав потрясения, успев родить слабого недоношенного младенца. Интересно то, как Зевс спасает своего сына: деликатный Кун пишет, что он «*зашил его к себе в бедро*»; мы, приложив немного смекалки, можем без труда расшифровать этот эвфемизм и понять, куда засунул царь богов злополучного младенца и откуда спустя три месяца не без натуги произвел

его обратно на свет, по утверждению писателя Афиней, «*мучаясь родами*». Впрочем, главное в этой истории не детали физиологии, а сам факт рождения жизни от животворящей плоти верховного божества – древнейшая мифологема, восходящая к первобытному пантеизму⁵. Самому Дионису еще довольно долго приходилось туго: мстительная Гера преследовала его и едва не погубила, пока бедняга не нашел приют в Нисейской долине, где его воспитали нимфы, сатиры и прочие развеселые низшие божества. Такое воспитание сказалось на характере Диониса, отвечающего среди Олимпийских богов за виноделие и, в особенности, за винопитие. Традиционно Дионис изображается в свите из полупьяных козлоногих сатиров, легкомысленных нимф, охмелевших менад или вакханок; рядом скачет, наигрывая на свирели, бог Пан, на осле везут окосевшего от пьянства старика Селена, учителя Диониса, и все это шествие, именуемое вакханалией, движется с пением, плясками и буйными криками по лесным тропинкам и зеленым холмам, время от времени прерываясь на оргии. Неудивительно, что Дионис считался самым лояльным к человеческим слабостям божеством.

⁵ *Пантеизм – это религиозная система взглядов, отождествляющая божество и окружающий мир, Творца и творение. С этой точки зрения и земля, и небо, и дерево, и животные – Бог.*

PAR
M. N.
PAR JEAN CARLIER
Musée de la Ville de Paris

Диана (Артметида). Ок. 1852–1864 гг. Фотография Том-
мазо Куччиони (1790–1864)

Cornucopia Cornucopia Harlanus
 Pueri Cornucopia Harlanus
 Cornucopia Harlanus

Oblecto dulci merenda
 Ofor tristitia, lictitia
 Cornucopia Harlanus

C. Schomus

Дионис. Гравюра 16 в.

Такое восприятие бога виноделия и веселья нашло свое отражение и в современной социологии: ирландский философ Чарльз Хэнди сформулировал типологию организационных культур, где «культура Зевса» основана на авторитарной власти единоличного лидера, «культура Аполлона» – на власти правил и бюрократии, а «культура Диониса» – на гуманизме и внимании к человеческой личности. Четвертый тип, «культура Афины», основан на меритократии, приоритете разума и профессионализма, что безусловно связано с характерными чертами этой богини.

Куль **Афины** (*рим. Минервы*) также имеет черты глубокой архаики. Зевс, унаследовавший от отца обоснованную подозрительность, узнал, что у богини разума Метиды, с которой он имел связь, будет двое детей: мудрая дочь и необычайной силы сын, который свергнет его с престола. Перепуганный Зевс решил действовать на опережение, усыпил Метиду и проглотил ее. Однако через некоторое время он почувствовал страшную головную боль. У бессмертных свои методы борьбы с мигренью, поэтому Зевс просто попросил разбить себе голову молотком – бац! – и из расколотого черепа вышла, облаченная в сияющие доспехи, со щитом и копьем, в блеске величия и славы богиня Афина Паллада.

Bologna ininter. a. Fontainebleau

Pallas, dea praefer sapientiae ac belli

Афина. Гравюра по мотивам Франческо Приматиччо (1504/5–1570) Ок. 1540–45 гг.

Помимо уже знакомого мотива рождения из животворящей плоти высшего божества, у Афины присутствуют явные андрогинные черты: она дева, облаченная в мужские доспехи, единое женское божество, появившееся на свет вместо мудрой сестры и воинственного брата. Афина считается богиней разума и индивидуального мастерства, того, что сейчас называется экспертностью; ее символические животные-спутники – сова и змея; одновременно с этим она же покровительствует военному делу, тактике и стратегии, а в личном противостоянии не раз побивала даже драчливого бога войны Ареса. Как и Артемида, Афина – девственница, и отдает должное девичьей стороне своей личности, покровительствуя некоторым чисто женским ремеслам, такому, например, как шитье и ткачество.

Последний из незаконнорожденных высших Олимпийских богов – **Гермес** (рим. *Меркурий*), сын Зевса и плеяды Майи. Гермес, в основном, покровительствует торговле и связанным с нею навыкам красноречия и обмана. Но, при всей своей очевидности и даже некоторой утилитарности, он один из самых таинственных богов античного пантеона. Его генеалогия восходит к египетскому богу мудрости и письма Тоту. Под именем Гермес Трисмегист (*трижды величайший*) он известен в оккультной традиции как мифоло-

гический родоначальник герметической философии, автор знаменитого трактата «Изумрудная скрижаль», заложившего метафизические основы алхимии и множества других мистических учений. Происхождение культовых сооружений в честь Гермеса – *герм*, массивных вертикальных столбов, которые ставили вдоль торговых путей, – иногда объясняют тем, что в архаическую эпоху сам Гермес был фаллическим божеством, связанным с животворящей силой природы. Возможно, именно поэтому в древнегреческих мифах он чаще всего предстает в как бог-гаер, хитрый вор, вечный шутник. В традиционных культурах такая роль всегда связывалась с образами материально-телесного низа, с тем самым юмором «ниже пояса».

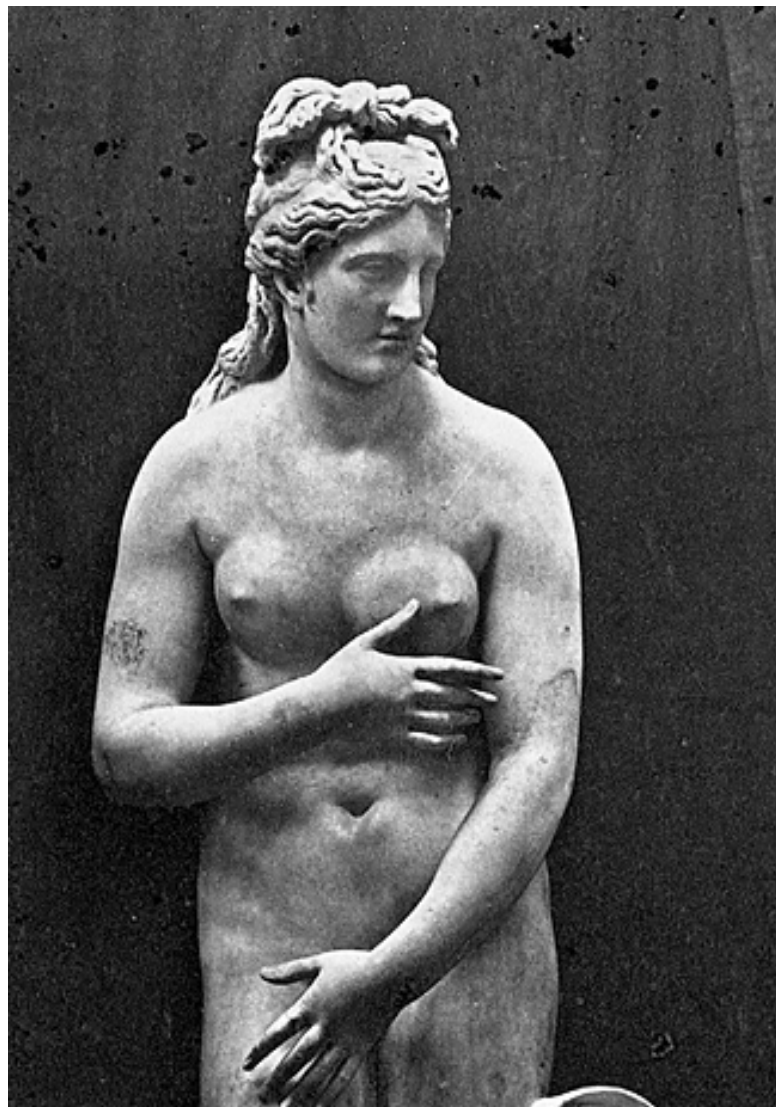
Меркурий (Гермес). Гравюра на дереве по мотивам У.Б. Ричмонда. 1866

Едва родившись, Гермес уже замыслил первую шалость: украл коров у самого Аполлона, а когда разъяренный покровитель искусств и мастер стрельбы золотыми стрелами все же догадался, чьих это рук дело, и попытался прижать вооруженного Гермеса, тот отнекивался и изворачивался так умело, что раздраженному Аполлону пришлось тащить вороватого сводного брата к общему папе, чтобы тот разрешил их спор. Впрочем, братья потом помирились; в знак того, что между ними больше нет долгов и обид, Аполлон подарил Гермесу волшебный посох, и, когда Гермес поставил посох между двумя готовыми схватиться змеями, те миролюбиво обвились вокруг древка, образовав один из самых известных в мире символов – кадуцей. С тех пор Гермес стал неразлучен с этим жезлом, а сам кадуцей стал эмблемой коммерции, медицины и, разумеется, оккультного знания. Крылья вверху жезла символизируют крылатые сандалии Гермеса, который в иерархии Олимпийских богов выполняет еще и функции ангела⁶.

⁶ От греч. ἄγγελος, что значит «вестник» или «посланник».

Меркурий (Гермес). Фотография 1870 г.

А вот у Геры с Зевсом, несмотря на впечатляющую активность супруга вне брака, с общими детьми как-то не задалось. **Арес** (*рим. Марс*), бог войны, был нелюбимым сыном царя богов; есть версия, что, если бы не отцовские чувства, которые, впрочем, понимались в античности более чем широко, то Зевс сбросил бы сына в Тартар. Возможно, причиной тому были свирепость и ограниченность Ареса, одержимого войной, сражениями и человекоубийством. Надо сказать, что и ярких историй, связанных с Аресом, мифы практически не рассказывают, да и сам культ Ареса, если и существовал в Элладе, то ни в какое сравнение не шел с почитанием Аполлона, Афины, Диониса или Артемиды и не оставил после себя заметных следов.

Довольно унылый образ воинственного Ареса несколько скрашивает его супруга, богиня красоты и любви **Афродита** (*рим. Венера*). История ее рождения нам хорошо известна. Как и почти у всех Олимпийских богов, у Афродиты имеется небольшая свита из младших божеств. Первый из них – ее сын, Эрот (*рим. Амур или Купидон*). Довольно приторный образ Эрота, хорошо известный по картинкам на «валентинках», сложился уже в античности: озорной обнаженный малыш с крыльями, луком и стрелами. Впрочем, в древности он все же был не настолько слащавым, стрелы часто попадали не вовремя и не туда, причиняя нешуточные стра-

дания, так что Зевс даже собирался придушить маленького паршивца, но Афродита успела спрятать его в лесу. Второй спутник Афродиты – бог брачных уз Гименей, по очевидным причинам куда менее известный и популярный, чем порхающий на свободе Эрот.

Про Афродиту есть несколько вполне милых, трогательных и в меру печальных сюжетов. Самый грустный из них – история ее собственной несчастной влюбленности в принца Кипра Адониса. Ради этого молодого красавца Афродита даже выучилась охоте, чтобы разделять с Адонисом его излюбленное занятие, которое в итоге привело к роковому финалу: Адонис погиб от удара клыков свирепого кабана, а Афродита долго бродила по Кипру, оплакивая возлюбленного. Вместе с Аресом Афродита составляет почти комичную пару: недалекий громила и его хорошенькая подружка. Эти образы так востребованы в популярной культуре, что мы вправе считать Ареса и Афродиту той первой парой, по подобию которой и создавались все такие же пары с древнейших времен и до наших телевизионных дней.

Если Ареса не слишком любил его родной отец Зевс, то бога **Гефеста** (рим. *Вулкан*) с рождения невлюбила мать Гера. По преданию, он родился таким некрасивым, что Гера в досаде схватила несчастного младенца за ножку и швырнула подальше от Олимпа. Бедняга упал в море, где, к счастью, был подобран добросердечными, пусть и не самыми значительными, богинями Эвриномой и Фетидой. Они воспитали

Гефеста в пещере на острове Лемнос. От травмы, полученной при падении, он остался хромым, зато вырос искуснейшим мастером, покровителем огня и кузнечного дела, а в более широком смысле – всех художественных ремесел. Обида на мать, как принято сейчас говорить, оставалась непроработанной, и потому Гефест выковал невероятной красоты золотой трон, который и послал на Олимп в подарок ничего не подозревающей Гере. Едва та уселась, как ее мгновенно сковали столь нерушимые путы, что никто из сбежавшихся на крики богов не смог их разорвать. Стало понятно, что подарок послал не простой смертный и даже не какое-то второразрядное божество. Довольно быстро нашли Гефеста; чтобы решить вопрос, к нему прилетел лучший переговорщик Олимпа Гермес, но не преуспел: боль отверженного матерью бога была слишком сильна. Тогда отправили Диониса; тот поговорил с Гефестом по-братски за чашей-другой неразбавленного вина, и очень скоро привел его на Олимп, изрядно пьяного, но благодушного и забывшего все обиды.

515.

L'AMOUR

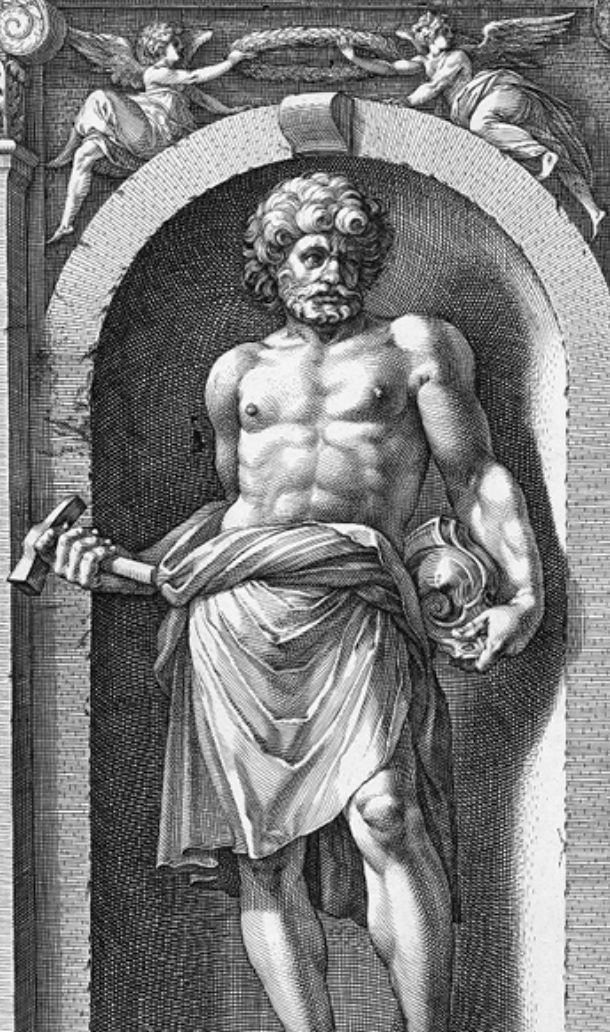
par D. ANT. CHAUDET (1763-1810)

Купидон. Ок. 1852–1864 гг. Фотография Томмазо Куччи-они (1790–1864)

На Олимпе Гефест выстроил богам новые величественные дворцы. Не забыл и себя: у него есть и уютный дом, и полная чудес божественная кузница, и очаровательная супруга Харита, одна из младших богинь грации и красоты, а по версии некоторых авторов – даже сама Афродита. Как бог-ремесленник, Гефест не только покровительствует земным мастерам, но словно бы воплощает в себе некий идеальный архетип человека труда: добродушного, работающего и любящего хорошую шутку.

Богиня плодородия **Деметра** (рим. *Церера*) генеалогически одно из древнейших божеств Олимпийского пантеона: ее образ восходит к архаическим культам Матери Земли как источника жизни и первобытной энергии. Есть свидетельства, что, кроме этих очевидных функций, Деметру почитали как покровительницу чародеев, а в посвященных ей элевсинских мистериях переплетались мотивы жизни, смерти и воскрешения, характерные для всех земледельческих культов. Эти же мотивы получили свое яркое отражение в самом известном мифологическом сюжете, связанном с Деметрой – похищении ее дочери **Персефоны** (рим. *Прозерпина*).

V V L C A N V S.

Деметра приходилась старшей сестрой и Зевсу, и Гере, что не избавило ее от настойчивого эротического внимания младшего брата. Результатом этой очередной кровосмесительной связи явилась очаровательная Персефона, любительница шумных компаний подружек-океанид и веселых пикников на берегу лазурного моря. Собственно, там ее и увидел владыка подземного царства Аид, вспылал страстью и, не тратя время и силы на ухаживания и флирт, просто взял, да и украл Персефону, чтобы взять себе в жены. Возник скандал; Деметра обратилась к другим богам за помощью и поддержкой, но тут выяснилось, что похищение Персефоны было совершено с одобрения самого Зевса. Опечаленная и раздосадованная Деметра ушла с Олимпа, приняла облик простой смертной, а заодно сняла свое благословение с природы, и на Земле прекратился всякий рост: завяли листья, поблекла трава, поля стояли без урожая, сады – без плодов, словно в мире воцарился вечный унылый ноябрь. Скоро повсюду наступил голод; масштаб катастрофы грозил существованию самой жизни. Зевс попытался договориться с Деметрой, но безуспешно – а как могло быть иначе? В итоге договариваться пришлось с Аидом: тот согласился отпустить свою пленницу к матери, но перед тем дал ей проглотить зернышко граната – символ супружеской верности. Теперь Персефона не могла навсегда покинуть своего мужа Аида.

Две трети года она проводит с матерью – и тогда расцветает природа, зеленеют деревья, радуются теплу и солнцу люди и звери; но потом, хоть и ненадолго, Персефона возвращается в подземелья, и тогда снова дышит холодом осень, листья падают на замерзшую землю багрово-желтым покровом, а небо затягивает пелена дождей и снегопадов. Слева Деметра, одетая в пеплос и гиматион (плащ) и держит скипетр, справа – Персефона, одетая в хитон и гиматион. Богини протягивают правую руку к обнаженному юноше. Считается, что мальчиком был Триптолемос, которого Деметра послала, чтобы учить мужчин выращивать зерно

Мраморный фрагмент Великого Элевсинского рельефа
ок. 27 г. до н. э. – н. э. Римская копия

Метафоричность истории о похищении Персефоны очевидна: перед нами один из древнейших мифов, символически объясняющий смену времен года, такие имеются практически у всех народов. Замечу лишь, что есть страны и города, где каникулы Персефоны явно короче, чем на берегах греческого Средиземноморья; в Петербург, например, она навещается едва ли на пару месяцев за весь год: катается на корабliках по рекам и каналам, смотрит на разведенные мосты над Невой, гуляет по Летнему саду, заглядывает в Петергоф – и привет, снова возвращается в царство Аида. Последуем и мы вслед за ней.

Аид (рим. *Плутон*) – старший брат Зевса, которому при разделе мира после победы над Кроном достались подземные глубины, куда после смерти отправляются души усопших. Очевидно, что в качестве повелителя царства мертвых Аид не пользовался особенной популярностью; его постоянный эпитет – «мрачный», и даже само имя его избегали произносить без особой причины – так в более поздней христианской традиции табуировалось имя черта, вместо которого обычно произносили «черный», «чужой» или просто «этот». Есть гипотеза, что имя Плутон, ставшее впоследствии основным для обозначения владыки подземного царства, это тоже эвфемизм, произошедший от латинского *Pluto*, что зна-

чит «богатый».

Аполлон, Нептун, Плутон и Афина, сидящие на облаке под аркой. Гравюра по Франческо Приматиччо (1504/5–1570)

Принципиально важно: будучи богом подземного мира и повелителем мертвых, Аид не является богом зла. Да, его царство, куда рано или поздно попадут все живые, не самое приятное место; что же хорошего в смерти? Но в нем нет зла, как нет зла и в природе, одновременно дарующей и отнима-

ющей в свое время жизнь. Ранее мы уже говорили, что самый тяжкий грех и настоящее зло в системе ценностей античной мифологии – нарушение гармонии и порядка. Аид же, в качестве владыки мрачных подземных глубин, является одним из тех, кто этот порядок поддерживает, он часть единой гармонии мира, в которой есть место печали и радости, светлым и сумрачным сторонам.

Хотя Кун рекомендует царство Аида как ужасное и ненавистное людям место, стоит отметить, что по части ужаса оно сильно проигрывает христианскому аду. Для того, чтобы оказаться в котле с кипящим маслом или на сковороде у чертей, которые так ярко рисует предание христианских церквей, не нужно прилагать никаких усилий. Достаточно просто жить, как живет, и безжалостное божество в итоге непременно обречет тебя на вечные муки, а вот рай если и получится заслужить, то исключительно через подвиг, под которым понимается что-то, требующее чрезвычайных усилий.

Античность не знает ни рая, ни ада. В системе древнегреческой мифологии, чтобы удостоиться наказания, нужно приложить немало стараний и по-настоящему отличиться; мы еще рассмотрим эти единичные случаи далее. Большинство же после смерти просто оказывалось в блеклом небытии; перевозчик умерших, старый Харон, перевозил души на своем челне через безмолвные черные воды подземной реки Ахеронт, и они оказывались на бесконечных полях, заросших бледным диким тюльпаном асфоделем. Поля омывают-

ся реками: кроме упомянутого Ахеронта, есть еще Коцит, Стикс, водами которого клянутся сами боги – и клятва такая считается нерушимой; река Лета, чьи воды даруют забвение, и огненный поток Пирифлегонт. Меж этих рек, по бескрайним серым полям бесконечно скитаются души умерших – вне света и тьмы, без радости и без горя, в унылом движении по замкнутому кругу вечности, без смысла, без цели и без конца. Выхода нет: его охраняет трехглавый пес Цербер со змеями на головах, и мимо него не пройдешь. Ад в античности – это не место мучений, а исключенность из настоящей жизни, яркой и полноценной; тоскливое существование, бесконечность серых, однообразных дней, слившихся в один.

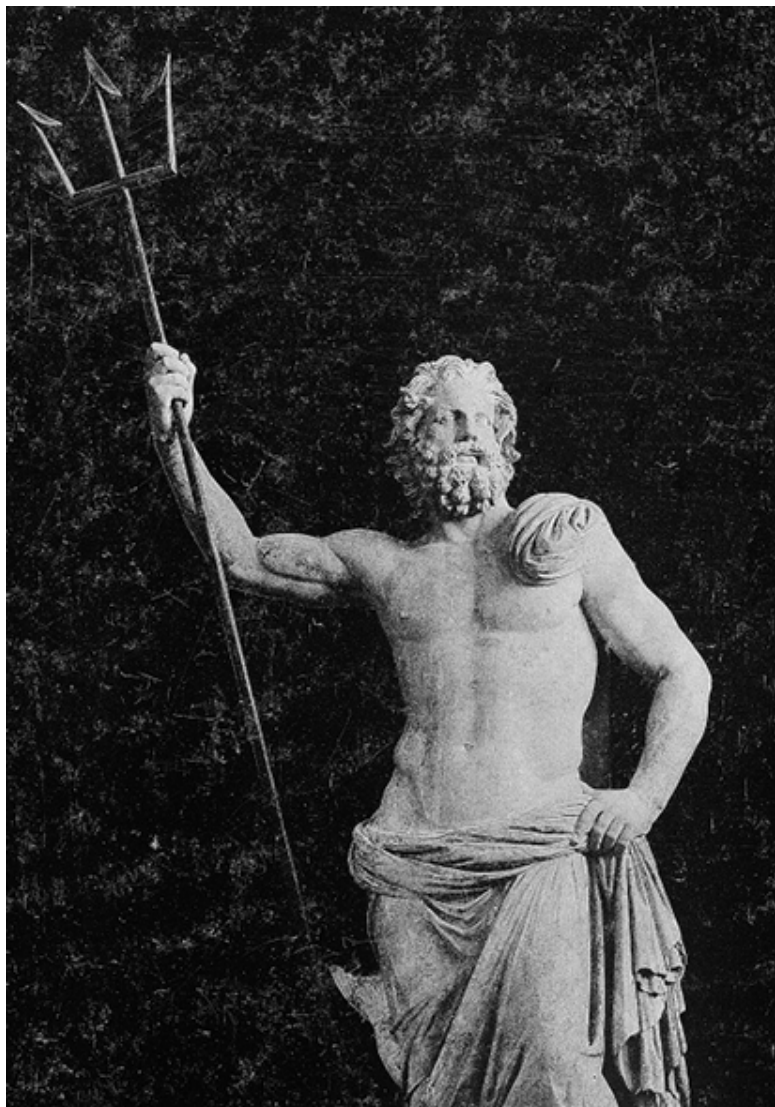
Как и в мифологических системах других культур, подземное царство Аида является прибежищем жутких полубогов и хтонических⁷ чудищ, тени которых мы увидим в мифологических сказаниях других народов, в средневековых оккультных мистериях, крестьянском фольклоре, в готической прозе XVIII века и романах некоторых современных авторов. Все порождения тьмы и хаоса, возникшие во время космического масштаба войн между богами, титанами и великанами, теперь собираются здесь, под присмотром и под

⁷ В современном языковом обиходе слово «хтонический» приобрело неверный смысл, близкий по значению к «тоскливый». Возникло даже новообразование «хтонь», означающее специфическую форму социального и культурного неблагополучия. Все это не имеет отношения к истинному значению термина «хтонический», буквально обозначающего просто «подземный».

контролем повелителя мертвых.

Вооруженные бичами из переплетенных змей, всегда готовые преследовать преступников и злодеев, свирепые Эринии; тут же бог смерти Танат, в черном плаще, с черными крыльями и мечом, которым он срезает локон у умирающего, чтобы забрать бессмертную душу. Рядом с ним его помощницы керы, южные родственницы северных валькирий, реющие над полем боя и собирающие кровавую жатву из павших воинов. В катакомбах подземных глубин скрываются еще более мрачные и, кстати, гораздо более древние персонажи низовой мифологии. Они соотносятся со стройной системой Олимпийских богов примерно так же, как, например, в русской христианской традиции соотносились с ангельской иерархией лешие, кикиморы и всевозможные домовые: ангелы – ангелами, а в баню «в третий» пар лучше не заходить, банник разгневется. Среди устрашающих античных мифологических маргиналов есть Эмпус – призрачное чудище с ослиными ногами, что охотится ночами на путников в пустынных местах и выпивает их кровь, и таинственная вампиресса Ламия, крадущая из колыбелей младенцев. Здесь же богиня Геката, первобытная повелительница ночных страхов, привидений, вампиров, покровительница колдунов и некромантов. Она раскатывает по ночам на колеснице в сопровождении своры призрачных псов по дорогам и кладбищам и собирает жертвы, которые приносят ей в лунную полночь на перекрестках трех дорог.

Подводный мир, в сравнении с кипящим страстями Олимпом или полным сумрачных обитателей царством Аида, – место благодушия и умиротворения, несмотря на бури штормы, которые может вызвать владыка морей **Посейдон** (рим. *Нептун*).

Статуя Посейдона. Фото 1890–1893 гг.

Посейдон – один из трех братьев-богов, поделивших мир, отвоеванный у Крона. Как стихийное божество, он во всех смыслах является старшим братом громовержца Зевса: боги природы, особенно связанные с такими исконными занятиями человека, как охота и рыболовство, всегда самые древние в любом пантеоне. Впрочем, есть версия, что старейшими богами водной стихии были вещий морской старец Нерей, меняющий облик, типичный архаический водяной Протей и покровитель рыболовов Главк, которые, на момент формирования стройной системы Олимпийских богов, ушли на вторые роли и стали божествами, подвластными Посейдону.

Супругу Посейдона зовут **Амфитрита**. По примеру Аида, Посейдон просто украл ее без всяких церемоний, когда она водила хороводы с сестрами на берегу, но на этом сходство с историей владыки подземного мира и Персефоны заканчивается. Амфитрита была дочерью морского старца Нерея, поэтому обошлось без драматических апелляций к Зевсу и угрозы всемирного голода: Нерей формально входил в свиту Посейдона, да и дочерей у него было куда больше, чем у Деметры – пятьдесят прекрасных и юных русалок-нереид. В браке Посейдон тоже не был похож на сдержанного в страстях Аида, но, напротив, мог дать изрядную фору своему младшему брату Зевсу. Согласно различным и зачастую противоречивым источникам, у него были десятки

любовниц: земные женщины, царицы, плеяды, полубогини, титаниды, нимфы и даже многострадальная богиня Деметра. Та вовсе не была расположена к интимной близости с еще одним братом и даже приняла облик кобылы, чтобы укрыться от Посейдона, но не помогло: он превратился в коня и добрался-таки до сестры. Форма этой связи наложила свой отпечаток на ее плоды: Деметра родила говорящего коня Ариона, которого очень почитали в некоторых областях Эллады. Сохранились даже монеты с его изображением. От многочисленных любовных походов у Посейдона родилось не менее сотни дочерей и сыновей; в их числе некоторые источники называют даже зловещую Ламию, которую позже, за связь с самим Зевсом, Гера обратила в вампира.

Такая бешеная и хаотическая сексуальная активность атрибутирует Посейдона не только и не столько как традиционного патриархального лидера – его роль среди Олимпийских богов иная, он повелитель стихии, а не всего мироздания, – но в большей степени указывает на его древность: полигамия, как и инцест, присуща самым ранним, замкнутым первобытным сообществам. Маркером архаичности персонажа являются и явные следы первичных анималистических культов, например, часто повторяющийся сюжет с превращением в животных: коня, барана, птицу или дельфина – облики которых Посейдон принимал, чтобы овладеть своими пассиями. Символами Посейдона являются гиппокамп – полуконь-полурыба, каких запрягают в колесницу владыки мо-

рей, и трезубец – древнейшее орудие рыболовов.

В историях про Олимпийских богов бросается в глаза их крайний антропорфизм. Он в принципе характерен для архаического сознания, отождествляющего себя с окружающим миром, в результате чего вся природа оказывается наделенной человеческими чертами: грустит, радуется, гневается, стремится погубить человека или помогает ему. Но в описании жизни обитателей Олимпа и их многочисленных родственников, в этих бесконечных адюльтерах, ссорах, сценах ревности, скандалах, интригах и препирательствах столько не просто человеческого, а даже какого-то бытового, они так близки в своих слабостях и страстях людям, и тогдашним, и нынешним, что сложно удержаться от иронического тона, когда рассказываешь о перипетиях их божественного, но такого понятного существования. Они женятся, рожают, изменяют, обманывают, ссорятся, порой дерутся и снова мирятся. Они постоянно таскаются с Олимпа на землю в поисках приключений. Они едят амброзию и пьют нектар, которые получают из дыма жертвоприношений: заколотых жертвенных тельцов и агнцев люди разделявают на части, и одни части сжигают, а другие съедают сами, становясь, таким образом, сотрапезниками на пиру у богов⁸. Но люди вполне в состоянии и уморить богов голодом, если прекратят

⁸ Очевидное продолжение символики жертвоприношения как совместной трапезы с Богом мы видим в христианской евхаристии, главном литургическом таинстве, прообразе Тайной вечери.

приносить жертвы – и примеров таких попыток достаточно. При определенных обстоятельствах боги могут получить от смертных копьем, и довольно болезненно, причем смертный останется безнаказанным. Глядя на эту развеселую компанию довольно легкомысленных полуобнаженных атлетичных красавцев и вечно юных красавиц, постоянно пирующих на вершине Олимпа, подвластных мимолетным влюбленностям, зависти, гневу и боли, невольно задаешься вопросом: действительно ли древние греки во все это верили?

В буквальном смысле, разумеется, нет. Сегодня практически каждый так или иначе верит по-своему в Бога – ну, или, как минимум, не отказывает вовсе в гипотетическом существовании чему-то высшему и непознаваемому – но вряд ли кто-то даже из числа самых консервативных ортодоксов воображает его как реального старика, усевшегося поверх хмурых туч, чутко прислушивающегося к происходящему на земле и окруженного пухлощёкими ангелами с арфами наперевес. Собственно, так Бога не представляли и те, кому мы обязаны этому образу: например, Дионисий Ареопагит, богослов и философ христианской античности, указывая на символизм любых божественных изображений, писал, что «Бог изображается как старец, и это означает, что он древний и сущий», но вовсе не то, что он в самом деле таким старцем является.

Боги на горе Олимп. Гравюра, 1565 г.

Очевидно, что для жителей древней Эллады не было тайной, что на верхушке горы Олимп нет никаких дворцов, построенных из золота и серебра, в которых денно и нощно пируют бессмертные боги. Нужно помнить, что, например, уже в VI в. до н. э. Пифагор Самосский высказал гипотезу о шарообразной форме Земли, а глава Александрийской биб-

лиотеки Эрастофен в III в. до н. э. не просто знал, что Земля круглая, но при помощи палки и солнечной тени верно вычислил длину ее окружности. Хотя судить о культуре народа по лучшим его представителям неправильно, но, во-первых, интеллектуальное неравенство древнегреческого общества было куда менее значительным, чем современного, а во-вторых, для появления гениев нужна рождающая их среда. Добавим к этому, что уже в IV в до н. э. существовали так называемые мифографы, которые не столько собирали и записывали мифы, сколько объясняли их символизм и пытались вписать их в исторический контекст.

Но если вера в Олимпийских богов не была буквальной, то как они воспринимались людьми той эпохи и кем являлись для системы античного мировоззрения?

Где-то на Олимпе в неброском чертоге живут три сестры, три дочери Ночи, три **мойры** (*рим. парки*) – богини судьбы. Мойра Клото прядет нить судьбы человека, олицетворяя ее неуклонное действие; мойра Лахесис вынимает, не глядя, жизненный жребий, символизируя этим случайность; мойра Атропос записывает назначенный жребий на свиток, закрепляя неизменность и неотвратимость. Над определенной ими судьбой не властны ни люди, ни боги, ни даже Зевс; но и сами мойры не вершат своей воли, а лишь следуют велениям Фатума, Рока, что властвует над смертными и над бессмертными.

В этой системе боги – простые функционеры судьбы, ис-

полнители воли неведомого Рока, которую можно узнать, но нельзя изменить. Горний мир Олимпа символизирует усеченная пирамида, на плоской верхушке которой находятся боги, но истинная вершина скрыта от взора. Отражение такого представления о мироздании мы находим у античных философов: Сократ, например, чтит народных богов и участвовал в необходимых обрядах, но его Бог – это некий единый космический разум; Аристотель говорил о Боге, как о первопричине, первом двигателе, а Платон различал персонифицированных богов и высшее безличное Божественное начало. Известно, что этому единому, безличному, Неведомому Богу (греч. Ἀγνωστος Θεός) в Афинах был посвящен отдельный храм, Его именем клялись афиняне, а апостол Павел построил всю свою проповедь в Афинах на том, что отрекомендовался посланником *«Сего, Которого вы, не зная, чтите»* (Деяния, 17, 23).

Перед этим Неведомым Богом и Роком трепещет сам Зевс, покорный велениям неумолимой судьбы, как и самый жалкий из смертных.

Такая модель мироздания определяет ценности нравственной парадигмы древнегреческой мифологии: если понятия Добра и Зла тождественны Порядку и Хаосу, то Рок – это стержневая основа, утверждающая гармонию, а боги – инструмент ее поддержания; таким образом, самыми страшными прегрешениями будут попытка избежать судьбы, обмануть богов или проявить к ним неуважение. Гуманистиче-

ская нравственность в этой системе еще не имеет силы; человек пока не бросил вызов богам, а они имеют полное право быть сколь угодно мстительными и жестокими, пока исполняют свои функции и поддерживают мироздание в определенном порядке.

И этим правом, надо сказать, боги пользуются в полной мере.

Аполлон содрал кожу живьем с сатира **Марсия** лишь за то, что тот осмелился состязаться с ним в музыкальном искусстве.

Мать десяти дочерей и десяти сыновей (различные источники указывают разное количество, но всего не меньше двенадцати) **Ниоба** как-то вздумала хвастаться перед богиней Лето своей многодетностью: я вот простая женщина, а двадцать детей родила, а ты богиня – и только двоих кое-как. Лето в слезах нажаловалась на Ниобу тем самым двоим своим детям, Аполлону и Артемиде. Брат с сестрой ворвались в дом Ниобы и у нее на глазах расстреляли из луков всех детей до единого, невзирая на душераздирающие мольбы несчастной матери, которая от горя превратилась в камень.

Милейшая Афродита за то, что сын речного бога **Нарцисс** систематически отвергал ее дары в виде эротического внимания со стороны хорошеньких нимф, сделала так, что бедняга влюбился в собственное отражение и умер в конце концов, сойдя с ума от тоски и самолюбования.

Царь скифов **Эрисихтон** срубил дуб в священной роще

Деметры; за это любящая мать и нежная сестра наслала на него столь неутолимый голод, что Эрисихтон умер, сдирая зубами собственное мясо с костей.

Очень ранимым был и вечно хмельной Дионис: царь **Ли-кур**, рискнувший разогнать вакханалию, досаждавшую ему громким пением и криками, лишился зрения; две дочери другого царя, Орхомена, предпочли пьяным пляскам вечер дома за прялкой – Дионис лично явился к ним с приглашением и сначала до смерти напугал, натравив диких зверей, а после превратил и самих сестер в летучих мышей; правитель Фив **Пенфея**, боровшегося с бесчинствами праздников в честь Диониса, растерзали на части обезумевшие от вина вакханки, среди которых была и мать Пенфея, насадившая оторванную голову сына на палку.

Нарцисс. Гравюра, 1536–1569 гг.

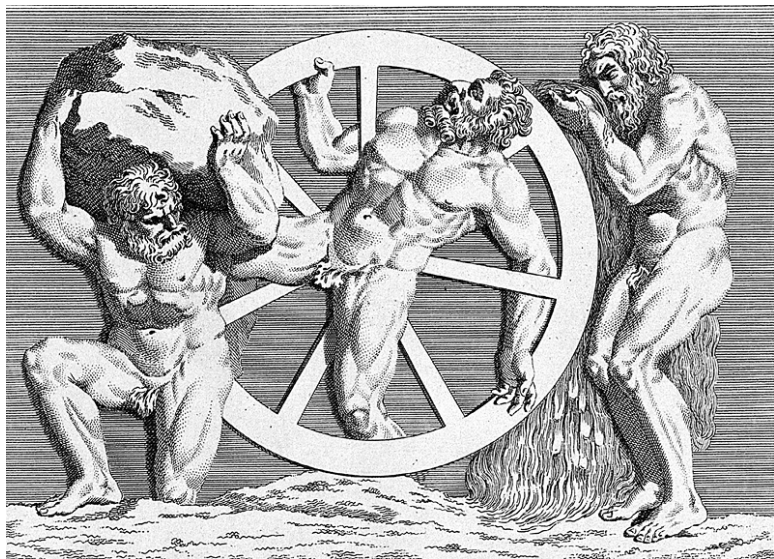
Даже мудрая Афина не сдержалась однажды: разорвала на части покрывало ткачихи **Арахны**, вызвавшей ее на профессиональный поединок, да еще и треснула по голове ткацким челноком, а когда несчастная повесилась, не выдержав потрясения, то превратила ее в паука.

Те, кто противился богам с особым упорством, и наказаны были изощренно, даже с некоторым философским изяществом. Для этих немногих царство мрачного Аида действительно стало адом, местом нескончаемых, вечных мучений.

Печально известный **Сизиф**, подаривший нам фразеологизм для обозначения бессмысленного труда, был царем Коринфа и славился богатством и хитроумием. Однажды он

стал случайным свидетелем очередного любовного приключения Зевса: тот похитил у речного бога Асопа дочь-нимфу и перенес на остров близ побережья, чтобы периодически с нею уединяться. Сизиф немедленно обратил свое знание в пользу и рассказал Асопу, где искать дочь, в обмен на неиссякаемый водный источник близ Коринфа. Разгневанный Зевс выслал к Сизифу бога смерти Таната, но вместо того, чтобы заточить смертного в подземельях царства Аида, Танат сам оказался скованным цепями и запертым в подвале дворца Сизифа, попавшись в ловушку хитроумного коринфянина. Это остановило круговорот рождения и смерти и нарушило установленный в мире порядок, что, как нам известно, есть тягчайшее из преступлений. На выручку незадачливому Танату отправили Ареса; тот освободил из оков бога смерти, который немедленно забрал душу Сизифа в обитель теней. Но Сизиф успел перед смертью наказать жену, чтобы та ни в коем случае не погребала его, не совершала положенные по такому случаю обряды и не приносила жертвы богам. Аид, Персефона, а за ними и прочие олимпийцы озадачились отсутствием дыма жертвенников и связанной с этим нехватки амброзии и нектара, и приступили с вопросами. Тогда Сизиф отпросился домой, чтобы напомнить забывчивой женщине об обязанностях перед богами. Назад он возвращаться не думал, но устроил пышное празднество по случаю своего благополучного возвращения оттуда, откуда никто доселе не возвращался. За пиршественным столом его

и застал разъяренный Танат, и на сей раз без проволочек исторг душу обманщика и потащил обратно к Аиду.

Сизиф, Иксион и Тантал. Офорт 1790 г.

За нарушение гармонии мира, обман богов и непочтительное вмешательство в их личную жизнь Сизифу было назначено наказание: он осужден вечно вкатывать в гору огромный камень, и каждый раз, когда уже совсем близко вершина, когда трещат от напряжения суставы, когда гудящей болью наливаются мышцы перед последним усилием, камень вырывается у него из рук, катится вниз, и приходится

начинать все сначала. В этой пытке куда больше нравственного, чем физического компонента. Как писал в своих дневниках Достоевский, повествуя о годах, проведенных на каторге: *«если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы»*.

Выражение «танталовы муки» менее популярно, чем «сизифов труд», но **Тантал**, царь города Сипил, разгневал богов никак не менее, чем его коллега Сизиф.

Тантал был сыном самого Зевса, богатым счастливецом и любимцем богов, которые не только часто заходили к нему в гости, но и приглашали его посидеть с ними за столом на Олимпе – дело для смертных неслыханное. Тантал таскал с Олимпа амброзию и нектар, угощал ими смертных друзей и не шутя почитал себя равным бессмертным – увы, так бывает, если твой отец царь богов. Зевс до поры терпел высокомерие своего сына и выходки, за которые человека попроще уже давно вывернули бы наизнанку. Так, однажды из святилища Зевса на Крите некий Пандарей украл золотую собаку и отдал ее на хранение своему приятелю Танталу. Разумеется, Зевс сразу узнал, кто припрятал похищенное, и отправил к сыну бога Гермеса с требованием немедленно собаку вернуть. Но Тантал вместо этого принялся отказываться и врать, что никакой золотой собаки не видел, и даже поклялся в том водами Стикса и другими страшными клятвами, нару-

шать которые опасались и боги. Невероятно, но это сошло Танталу с рук – ну, только собаку все-таки отобрали. Однако безнаказанность порождает порочность, и однажды Тантал, просто чтобы проверить, так ли всеведущи боги, убил своего сына Пелопса, разделал и подал его мясо собравшимся у него за столом Олимпийским богам. Разумеется, никто из них не притронулся к страшной трапезе, лишь Деметра, задумавшись, надкусила было плечо, но ее быстро одернули. Беднягу Пелопса вернули к жизни, испорченное плечо заменили протезом из слоновой кости, а вот Тантал так легко не отделался. Чаша терпения Зевса исполнилась, и наказание последовало суровое: с тех пор и целую вечность Тантал мучается от нестерпимой жажды, стоя по горло в воде – и не может напиться; терзаемый голодом, протягивает руки к свисающим над головой плодам – но их тут же уносит порыв ветра; в довершение мук, над ним нависает скала, грозя обрушиться вниз, и к жажде с голодом добавляется страх. В заключение стоит отметить, что сугубый гнев Олимпийских богов вызвал не факт изуверского убийства Танталом родного сына, а то, что он усомнился в их всеведении.

Все эти устрашающие рассказы о смертных, самым жестоким образом наказанных за непочтительное отношение к богам и их воле, фиксируют в системе ценностей понимание «что такое плохо» и, соответственно, какие последствия это «плохо» несет. Положительные примеры «что такое хорошо» демонстрируют другие мифы. Их великое множество,

и мы вспомним только о трех самых известных, характерных и ярких историях, которые называются

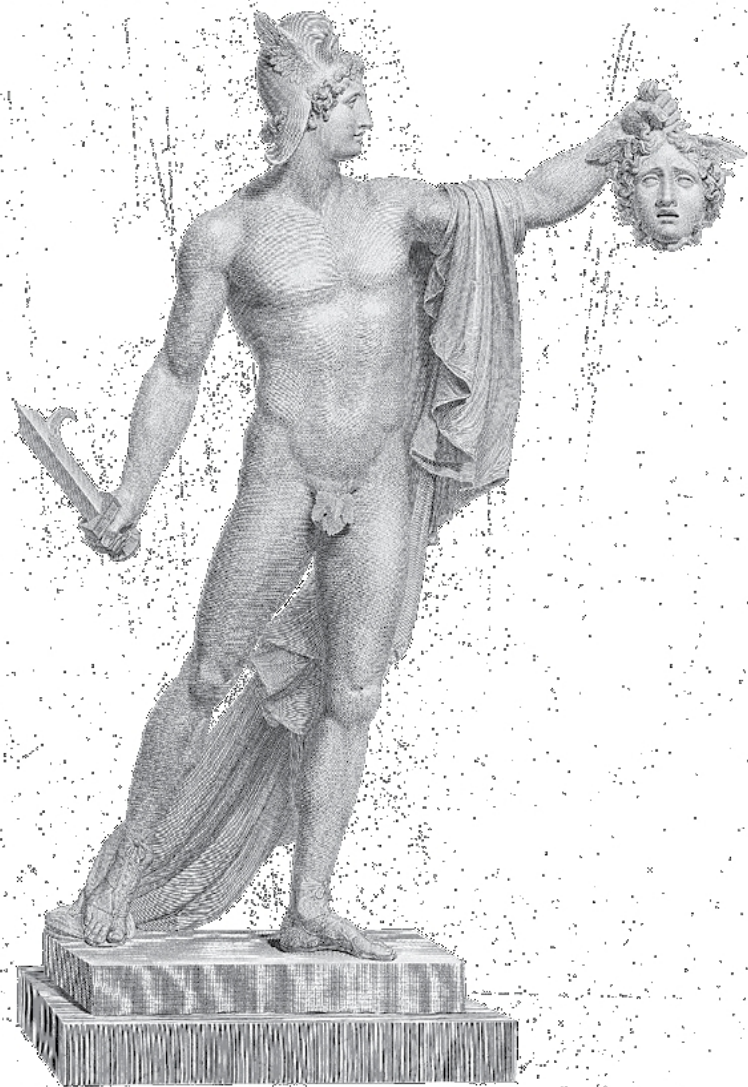
Мифы о героях

...15 июня 1985 года в зал Рембрандта ленинградского Эрмитажа вошел ничем не примечательный мужчина в толстых очках. Он огляделся, спросил у смотрительницы, какая картина тут самая ценная, и, получив ответ, быстрым шагом подошел к полотну, выплеснул на него полную банку концентрированной серной кислоты и успел еще два раза ударить ножом, пока его не скрутили. Картиной, едва не погибшей от нападения сумасшедшего вандала, была рембрандтовская «Даная». Кислота попала на живот и бедра изображенной на холсте молодой женщины, которая приподнялась на постели и с любопытством протянула руку к источнику наполняющего комнату теплого сияния, отсвета невидимого зрителю божественного золотого дождя, драматической антитезой которому стали капли разрушительной кислоты, выплеснутой безумцем.

Изображенная на картине Даная была дочерью Акрисия, царя Аргоса, земли на северо-востоке Пелопоннеса. Когда-то оракул предсказал царю, что он погибнет от руки своего внука, сына Данаи, а потому Акрисий, недолго думая, спрятал дочь в подземном чертоге. С мотивом предсказанной смерти от рук потомка, чаще всего, сына, и панического

страха перед такой смертью мы еще не раз встретимся в мифологических сюжетах. Этот древний ужас перед наступлением беспомощной старости, когда дети и внуки могут избавиться от ставшего обузой дряхлого патриарха, чтобы не делить с ним добываемый тяжким трудом кусок хлеба, характерен для традиционной аграрной культуры. В стремлении уравновесить его, возникает культ почтения к старости, ценности, действительной или мнимой, знаний и опыта старшего поколения, и практика безжалостного воспитания, когда рефлексорное почтение к родителю жестоко вбивалось физически, чтобы и мысли не возникало противиться воле отца или деда.

Заточение в подземелье не помогло: очарованный красотой девушки Зевс проник к Данае под видом золотого дождя, и очень скоро Акрисий в ужасе услышал доносящийся из чертогов дочери детский голос и смех. Так родился **Персей**, первый из великих героев древнегреческой мифологии, о которых далее пойдет речь.

Персей. Гравюра 1813 г. Гравированный рисунок с работы Антонио Канова (1757–1822)

Не надеясь на силу репрессивной педагогики, Акрисий посадил дочь и внука в большой деревянный ящик, заколотил крышку гвоздями и бросил в море – еще один сюжет, знакомый многим с детства по пушкинской «Сказке о царе Салтане». Ящик носился по волнам и благополучно оказался на берегу острова Сериф. Рыбаки вытащили Данаю и сына; плененный красотой молодой матери, царь острова Полидект принял их под свою опеку. Персей растет во дворце, набираясь силы, мужества и сообразительности. Со временем Полидект решил, что пора бы уже оформить гостеприимство официально, и вознамерился взять Данаю в жены, причем ее желание при этом, как водится, не учитывалось. На защиту матери встал юный Персей, в качестве аргумента ссылаясь на свое божественное происхождение. Полидект скрипнул зубами и предложил дерзкому мальчишке доказать, что его отец Зевс, совершив достойный его имени подвиг. Например, убить горгону Медузу.

Горгонами назывались три чудовищные сестры, Стейно, Эвриала и Медуза. Все три – в блестящей непробиваемой чешуе, с когтистыми громадными лапами, золотыми крыльями, ядовитыми змеями вместо волос и взглядом, обращающим всякого в камень. Происхождение их доподлинно неизвестно; чаще всего в качестве родителей называют ноч-

ную богиню Нюкту и бога смерти Таната. Стейно и Эвриала были бессмертны, и только Медузу теоретически можно было убить, но вряд ли ее мог одолеть простой смертный. Иное дело – сын Зевса: на помощь Персею пришли Гермес, который отдал герою свой изогнутый меч, способный прорубить чешую горгоны, и Афина, подарившая зеркальный щит, вещь необходимую, когда имеешь дело с тем, кто может обратить тебя в камень одним только взглядом. От нимф, встретившихся на долгом пути до горгон, Персей получил шлем-невидимку, сандалии с крыльями для полетов по воздуху и волшебную сумку, меняющую размер в зависимости от содержимого. С подобной экипировкой и при постоянной консультативной поддержке Афины с Гермесом у Медузы не было шансов против Персея: он выследил ее и сестер на каменистом острове посреди моря, прицелился, глядя в зеркальный щит, ударом меча отрубил голову спящей Медузе, положил в сумку и умчался на крылатых сандалиях прежде, чем две оставшиеся горгоны проснулись и заматались по воздуху, оглашая окрестности воплями горя и ярости.

В истории про следующий подвиг мы встретимся с целым созвездием из созвездий. На обратном пути, пролетая мимо африканского побережья, Персей заметил девушку, прикованную к скале у прибоя. Это была Андромеда (ныне она хорошо видна на ночном небе в северном полушарии), в ужасе ожидающая морского чудища, которое должно было ее со-

жрать. Опять мы встречаем сюжет, характерный для древнегреческой мифологии и уже хорошо знакомый нам: мать Андромеды Кассиопея (созвездие из пяти звезд чуть севернее Андромеды), жена местного правителя Кефея (околополюсное созвездие, видимое в любое время ночи над горизонтом), поспорила с морскими нимфами, утверждая, что красивее их. Разозленные нимфы нажаловались Посейдону, и тот, без лишних раздумий, наслал на владения Кефея чудовищного монстра, который принялся разорять и опустошать побережье. Несчастный Кефей обратился за разъяснениями к оракулу и получил категоричный ответ: за то, что Кассиопея посмела сравнить себя с нимфами, да еще и в превосходной степени, придется отдать на съедение чудовищу дочь, ибо ничем меньшим гнев Посейдона не удовлетворится. Персей не остался в стороне: Андромеда была прехорошенькая, родители согласились отдать ее Персею в жены, да и сама несчастная, прикованная к скале в ожидании чудовища, не противилась браку с героем. Едва жуткая тварь всплыла из глубин, Персей атаковал с воздуха, налетев на крылатых сандалиях. Одни источники утверждают, что битва была жестокой и долгой, другие – что Персей просто использовал голову горгоны Медузы, чтобы обратить монстра в каменную скалу, но, как бы то ни было, красавица была спасена, а чудовище – повержено. Персей принес благодарственные жертвы Афине и Гермесу – очень важная деталь, особенно учитывая то, что он по сути не дал свершиться каре Посейдона – и де-

ло закончилось свадьбой. Правда, торжество было несколько омрачено бывшим женихом Андромеды, неким Финеем, который ворвался на свадебный пир с толпой вооруженных соратников, но завязавшуюся было битву решила голова Медузы: Персей призвал всех, кто ему друг, отвернуться, и вынул свой страшный трофей, обратив нападавших в мраморные статуи.

После свадьбы молодожены отправились за Данаей на остров Сериф. Некоторые авторы утверждают, что злокозненный Полидект, воспользовавшийся отсутствием Персея, совершил-таки над Данаей насилие; в любом случае, без заступничества своего сына ей там приходилось несладко, а потому на свет снова была извлечена сакраментальная голова. Полидект мгновенно окаменел, став памятником собственной низости и невоздержанности в страстях. Передав власть над островом брату Полидекта, Персей, Андромеда и Даная вернулись в родные края. Узнав об этом, Акрисий в страхе бежал из города, а Персей с благодарностью вернул меч Гермесу, шлем, сандалии и сумку – нимфам, зеркальный щит вместе с трофейной головой Медузы отдал Афине и стал править в Аргосе. Спустя много лет по какому-то случаю он устроил в городе спортивные состязания, на которые собрались атлеты и зрители со всей Эллады. Принял в них участие и Персей: он неплохо умел метать диск. Снаряд, посланный мощной рукой сокрушителя горгоны Медузы, отскочил от земли и вылетел на трибуны, насмерть пора-

жив какого-то древнего старика. Это был Акрисий, который всю жизнь прожил в ужасе перед смертью от руки внука и вернулся в родные края буквально на день, чтобы посмотреть спортивные игры.

Того, что написано в свитке мойры Атропос, не изменит никто.

Персей – почти идеально чистый образец героя архаических мифов. Он имеет божественное происхождение, причем неоспоримое: у Данаи вовсе не было мужа, который мог хотя бы номинально назваться отцом, и зачатие сына от золотого дождя являлось в полной мере чудесным. В отличие от некоторых других полубогов, злоупотреблявших родством, Персей всегда оставался почтителен к бессмертным, не дерзил и не превозносился, не пытался присвоить подарки и не забывал поблагодарить. Но самое главное – и это важнейший маркер древности персонажа – его подвиги связаны с победами над чудовищами, а не над людьми. Вновь вспомним бинарные оппозиции древнегреческой мифологии: если добро и зло тождественны порядку и хаосу, то и высшей доблестью будет борьба против порождений хаоса. Это отголосок древнейших времен, когда человек отстаивал свое место в противостоянии с разрушительными силами природы; когда первые племенные общины еще не сложились в традиционные государства, основанные на власти военных элит, а патриархально-военная культура таких государств еще не развилась настолько, чтобы создать культ войны. Архаический герой

совершает подвиги, сокрушая угрожающих людям чудовищ, в этой роли он – со-творец и помощник богов; возможно, поэтому убийство подводного монстра, посланного Посейдоном, обошлось для Персея без последствий. Точно так же идеальный герой-правитель, царь или вождь в архаических мифах не военачальник, не воин, но устроитель данной ему земли в гармонии и справедливости. Примером такого правителя является другой хорошо известный герой классического античного мифа – **Тесей**.

Божественное происхождение Тесея небесспорно: его отцом был Эгей, царь Афин, а матерью – Эфра, дочь царя Трезены Питфея. Утверждение, что настоящим отцом Тесея был Посейдон, сделанное на том основании, что повелитель морей когда-то состоял с Эфрой в кратковременной связи, представляется несколько искусственным – своего рода формальность, необходимая запись в метрике истинного героя.

Тесей появился на свет на родине матери, в Трезене, и оставался там до совершеннолетия. Его отец Эгей сразу после рождения сына вернулся в Афины, но перед отбытием оставил под обломком скалы свой меч и сандалии: по ним он должен был узнать Тесея, когда тот наберется достаточно сил, чтобы сдвинуть увесистый камень, и только после этого отправится в Афины, чтобы принять у отца царский престол. Это типичный сюжет инициации героя: схожим образом, например, юный Артур извлекает меч из камня и тем самым свидетельствует свое право на власть над всей Англией.

Когда Тесею исполнилось шестнадцать лет, мать привела его к заветной скале; сын с легкостью сдвинул камень, надел сандалии, опоясался отцовским мечом и отправился в Афины. Здесь мы видим еще один характерный сюжетный архетип, связанный с инициацией – путь испытаний, пройдя который до конца, герой доказывает свою состоятельность. От родного Тесею Трезена (сегодня это небольшое село с населением около семисот человек) до столичных Афин примерно 160 километров в обход залива Сароникос – расстояние не очень большое по меркам любого времени: первый марафонский бегун Фидиппид за полдня пробежал 42 километра, чтобы принести афинянам весть о победе над персами. Тем более удивительно, сколько опасных злодеев, чудовищ и маниакальных убийц обреталось на этом коротком отрезке пути до тех пор, пока по нему не прошел Тесей.

Буквально сразу, на границе Трезена, ему встречается великан Пирифет – между прочим, сын бога Гефеста! – убивавший всех без разбора железной палицей. Тесей свернул Пирифету шею, чтобы тот не позорил имя отца, а палицу взял себе. На Коринфском перешейке, соединяющем полуостров Пелопоннес с материком, Тесей сталкивается с неким Синидом, известным как «сгибатель сосен», любителем привязывать путников к согнутым верхушкам деревьев и разрывать их таким образом пополам. Та же участь постигает и самого Синида, а Тесей, расправившись с опасным разбойником, буквально сразу вступает в схватку с существом

пострашнее: громадной кроммионской свиньей, опустошившей окрестности. Как и прочие подобные монстры, она имела сверхъестественное происхождение и была произведена на свет уже знакомым нам змеем Тифоном, испепеленным Зевсом в последнем акте битвы с титанами, и Ехидной, полуженщиной-полузмеей, инфернальной русалкой с прекрасным лицом и торсом, но змеиным хвостом. Происхождение свинье не помогло: Тесей заколол ее и продолжил свой путь вдоль побережья к скалистым окрестностям Мегары. Тут на горной трапе угнезвился разбойник Скирон, угрозами и насилием заставлявший прохожих мыть себе ноги, а потом пинком отправлявший их в пропасть. Изображения на древних амфорах рисуют встречу Скирона с Тесеем поразному: то ли герой огрел разбойника тазиком для омовения, то ли сразу схватил за ногу и сбросил с обрыва, но исход не вызывает сомнений – путь через скалистое побережье стал свободным и безопасным. Еще чуть больше 20 километров – и неподалеку от Элефсина Тесей вступает в борьбу с неким Керкионом, злобным гигантом, истязавшим дочь за связь с Посейдоном и заставлявшим путников бороться с собой без всяких правил до смертельного исхода. Тесей и здесь вышел победителем из поединка, одолев Керкиона не столько за счет физической силы, сколько ловкостью и мастерством, таким образом положив начало искусству борьбы. Наконец, почти у самых Афин Тесею встретился персонаж, которому современный язык обязан известным фра-

зеологизмом, обозначающим крайне тесные, невозможные к исполнению рамки или ограничения: Дамаст, более известный как Прокруст, со своим прославленным ложем. На него он силой укладывал путешественников, и, если оно оказывалось слишком длинным, то растягивал несчастных, пока не разрывал мышцы и позвоночник, если коротким – отрубал ноги. Тесей той же мерой отмерил и самому Прокрусту: негодяй оказался длиннее на целую голову, чем его роковое ложе, и эту голову Тесей отрубил, поставив точку как в злодеяниях безумного убийцы, так и в своих приключениях по пути в Афины.

Отметим самое главное: во-первых, как и Персей, Тесей совершает не воинские подвиги, он сражается с проявлениями зла и хаоса, пусть даже большинство из них встречаются в человеческом облике; во-вторых, проходя путь испытаний, Тесей, как будущий царь Афин, наводит порядок на своих землях, верша справедливый суд и восстанавливая порядок – важнейшая функция истинного правителя в системе архаической мифологии.

В Афины Тесей прибывает неузнанным и представляется отцу простым странником, ищущим пристанища и защиты. Эгей не узнаёт сына; зато его сразу узнала Медея⁹, беглая

⁹ Еврипид утверждает, что это та самая Медея, которая помогла Ясону выкрасть Золото руно, а после его измены отомстила так страшно, что вынуждена была бежать в Афины, хотя налицо хронологическое противоречие: Медея из Колхиды появилась в Элладе после того, как Тесей отправился вместе с аргонавтами за Золотым руном. Скорее всего, это следствие бытования нескольких

волшебница из Коринфа, хитростью заставившая Эгея взять ее в жены. Злокозненная колдунья, умело играя на мнительности престарелого царя, убеждает его, что незнакомец – это лазутчик неизвестных врагов, и уговаривает отравить Тесея. Эгей соглашается, но на пиру, который мог стать роковым, тот показывает отцу свой меч. Эгей узнает и оружие, и сандалии, и сына; Медея в страхе бежит, а торжествующий царь предъявляет Афинам своего наследника. В этой роли Тесей продолжает обустраивать свои будущие владения: он избавляет окрестности от чудовищного марафонского быка, а затем приступает к своему самому известному подвигу. Если для Персея титульные, если можно так выразиться, «программные» свершения – это победа над горгоной Медузой и спасение Андромеды, то для Тесея – визит к Минотавру, и мы последуем за ним, едва только чуть лучше поймем генеалогию как чудовищного персонажа, так и самого мифологического сюжета.

Слово Минотавр (др. греч. *Μινώταυρος*) двусоставное, оно означает буквально «бык *Миноса*», и если со значением «*тавр*» – бык, все очевидно, то имя Миноса требует некоторых пояснений.

Царь Минос – квазиисторический персонаж; это означает, что есть основания как утверждать достоверность его существования, так и сомневаться в нем. В мифологическом

версий разных мифов, в одном из которых Тесей участвовал в походе аргонавтов, а в другом – нет.

контексте он сын Зевса и Европы, царь острова Крит; его имя дало название минойской цивилизации, одной из основных средиземноморских цивилизаций бронзового века, существовавшей на Крите в течении почти полутора тысяч (!) лет, с XXX по XII вв. до н. э. События мифа о Тесее и Минотавре относятся к последним векам существования этого впечатляющего социально-культурного образования, когда Крит стал мощной морской державой, а в столичном Кноссе и других областях острова были построены так называемые дворцы, которые представляли собой не просто пышно украшенные жилища правителей, но гигантские комплексы с очень сложной планировкой и архитектурой, совмещавшие в себе представительские, торговые и культовые функции. Одним из таких был и знаменитый мифологический Лабиринт, ставший нарицательным именем для строений с запутанными и изощренными системами ходов и коридоров. Его имя собственное тоже заслуживает внимания: общепринятой является гипотеза его происхождения от слова «лабрис» (др. греч. *Λάβρις*), которым называли двухлезвийный боевой топор. Его изображениями якобы были украшены стены Лабиринта, и не случайно: лабрис – не просто оружие, но и древнейший культовый артефакт минойской цивилизации, который использовался для жертвоприношений исключительно женщинами – жрицами. Этот факт, как и версия, что форма лабриса повторяет силуэт бабочки и символизирует женское начало, а также восходит к первобытному мат-

риархальному культу Великой Матери, сделали двусторонний топор одним из современных символов однополой женской любви. Все это: имя Миноса, дворец-лабиринт, секиры-лабрисы – маркеры глубокой архаики, в которую корнями уходит миф о Тесее.

Таким же маркером является и образ самого Минотавра, чудовища с телом человека и головой быка, чья зооморфность указывает на древность происхождения. Он был рожден Пасифаей, женой царя Миноса, от ее противоестественной связи с быком – самым настоящим, а не божественным, как можно было бы ожидать. По одному из преданий, чтобы соблазнить животное, Пасифая ложилась в деревянную корову, специально сделанную для нее знаменитым Дедалом, известным нам как изобретатель крыльев и отец злополучного Икара – мифологический мир иногда очень тесен. Ужасающего отпрыска своей специфически развращенной супруги Минос заточил в Лабиринте и отправлял к нему на растерзание осужденных смерти преступников, а также семерых юношей и семерых девушек, ежегодно получаемых от Афин в качестве символической, но постыдной и страшной дани – явное наследие тех времен, когда власть Крита распространялась на всю островную и материковую Элладу. Избавить афинян от этой дани и отправился на Крит отважный Тесей на корабле под траурными черными парусами, заняв место одного из семерых юношей, обреченных на смерть.

Дальнейшие события хорошо известны. В Тесея влюби-

лась дочь Миноса прекрасная Ариадна, и тайком от отца передала герою меч и клубок ниток, который должен был помочь выйти из Лабиринта, запутанные ходы которого представляли опасность не меньшую, чем блуждающее в них чудовище. Тесей заколол Минотавра – в другой версии, забил кулаками без всяких мечей – и вывел пленников на свободу. Теперь им предстоял побег; верная Ариадна ждала Тесея, и вместе они поспешили к причалу. Тесей прорубил днища у кораблей критян, вместе с радостными афинянами и Ариадной взошел на свое судно, поднял паруса и устремился в обратный путь. По дороге они сделали остановку у острова Наксос, где произошло одно весьма характерное событие: Тесею явился бог Дионис и без обиняков заявил о своих видах на Ариадну. Тесей не стал спорить, вежливо согласился и быстро снялся с якоря, оставив спящую Ариадну в распоряжении бога виноделия. Он так торопился, что в суматохе забыл поменять паруса: перед отбытием они договорились с Эгеем, что, если предприятие завершится успешно, то паруса на корабле будут белыми. Нечастный Эгей, напряженно всматриваясь вдаль, увидел, что паруса остались черного цвета, что означало гибель сына и всех его спутников. В отчаянии он бросился в море, которое с тех пор носит его имя.

На временах правления Тесея в Афинах мы не будем останавливаться подробно, хотя там есть, о чем рассказать: например, о битве с амазонками, державшими в осаде Афины, или о схватке с кентаврами, устроившими резню на сва-

дебном пире. Это увлекательно, но не так важно. Обратимся к последним событиям жизни Тесея. Его друг Пирифой, на свадьбе которого и произошла кровавая битва с кентаврами, рано овдовел и страдал от одиночества. Сам Тесей тоже все еще оставался один. Приятели договорились помочь друг другу выкрасть любую невесту, какую только не пожелает один и другой. Сказано – сделано; первым делал выбор Тесей, и Пирифой честно помог ему похитить из отчего дома только-только вступающую на порог юности прекрасную Елену, дочь Зевса и Леды, из-за которой позже разразится троянская война. Елену, отчаянно петляя по всей Элладе, чтобы спутать следы, скрыли в крепости Афидны – не путать с Афинами, до которых от крепости примерно километров тридцать. Настало время загадывать Пирифою – и тот, к изумлению и ужасу друга, пожелал взять в жены супругу Аида, несравненную Персефону. Трудно сказать, почему Тесей согласился помочь в такой безумной аванюре; может быть, вспомнил, как поспешно бежал с острова Наксос, оставив Дионису полюбившую его и поверившую ему Ариадну; а может, данное другу слово оказалось важнее, чем почтение к богам. Как бы то ни было, но друзья забрались в подземное царство мертвых и принялись искать Персефону. Дело предсказуемо кончилось скверно: разъяренный Аид приковал незваных гостей к каменному трону у самого входа в свои владения. Много позже другой прославленный герой мифов, Геракл, попав с оказией в царство Аида, освободил

Тесея из каменных пут; Пирифой же остался там навсегда.

Первый визит Вакха к Ариадне. Художник: Джон Флак-
ман (1755–1826)

Пока Тесей томился в подземельях Аида, братья Елены нагрянули с войском, нашли и освободили сестру, а власть в Афинах передали давним врагам Тесея. Когда он вышел на волю из подземного царства, то вынужден был бежать, и в конце концов совершенно бесславно погиб на Эвбее от вероломной руки тамошнего царя Ликомеда.

Чаша для смешивания вина и воды, изображающая битву между греками и амазонками. Ок. 450 г. до н. э.

Геркл. Художник: Дамиано Пернати. 1804 г.

Безнаказанно оскорблять богов не смеет никто. И герои не исключение.

В сравнении с Персеем, который в основном действует в мифологическом пространстве, Тесей в большей степени связан с хронотопом античной реальности. Древнегреческий историк Филохор в «Аттиде», Павсаний в «Описании Эллады», другие позднейшие мимोगрафы, вплоть до Плутарха, по-разному трактовали миф о Минотавре, высказывали

предположения, что его прототипом был полководец Миноса, страшной силы и ужасной свирепости, однако почти никто не высказывал сомнений в историчности самого Тесея как царя, правившего Афинами во времена, бывшими седой древностью даже для античных историков.

Ярко выраженная дуальность мифологического и реалистического характерна и для образа самого известного древнегреческого героя – **Геракла** (*рим. Геракулес*).

Его популярность в античности была огромна; он оставил свой след почти во всех главных мифологических циклах о героях, а посвященные ему храмы и алтари воздвигали от Херсонеса до Рима. Не все боги пользовались такой всенародной любовью, как этот человек, ставший одним из богов после смерти.

В Александровском саду Петербурга, что рядом с Адмиралтейством, стоит копия знаменитой римской статуи Геракла Фарнезского: мускулистый, тяжеловесный дядька с большой бородой, довольно добродушный с виду, опирается на здоровенную палицу, укрытую шкурой льва. Не знаю, как обстоит дело сейчас, но во времена моего детства любопытный малыш, оказавшись рядом, непременно спросил бы у папы: «Кто это такой?». А папа, пусть даже и не открывал древнегреческих мифов со школы, но обязательно вспомнил бы и рассказал о том, как Геракл одолел страшную многоголовую гидру и победил не менее ужасного льва, и еще, может быть, про Авгиевы конюшни. И малыш бы понял, что

Геракл – это кто-то вроде наших богатырей, могучий добряк, защитник людей от драконов и разных чудищ. На самом деле, если бы знание биографии самого прославленного героя античности было в отце семейства ярко и живо, он бы поспешил увести от него, даже мраморного, и малыша, и маму подальше.

Геракл был сыном Зевса и Алкмены, жены фиванского героя Амфитриона. Наличие мужа никогда не было для Зевса помехой, не смутило и на этот раз; гораздо более важным являлся тот факт, что Алкмена приходилась внучкой Персею, который, как известно, тоже рожден был от Зевса, и нынешняя связь должна была подарить миру героя, невиданного доселе. Гесиод, например, прямо указывает, что в этот раз Зевс действовал не под влиянием страсти, как случалось обычно, но *«бессмертным и людям трудноусердным желая родить отвратителя бедствий»*. Насколько это удалось, мы увидим позднее. Пока же Зевс так шумно радовался очередному внебрачному сыну, который, к тому же, по праву рождения обретет власть над всеми потомками Персея, что окончательно разозлил и без того не слишком счастливую Геру. Она, как-никак, покровительствовала браку и деторождению, а потому чуть замедлила роды Алкмены, чуть ускорила другие, и в итоге этой интриги и запутанных родственных отношений старшим в роду и главным над всеми стал не Геракл, а сын другого потомка Персея, Сфенела. Зевс только зубами скрипел от досады.

Как и полагается герою и полубогу, Геракл с младенчества демонстрировал выдающуюся силу: так, он, еще лежа в колыбели, задушил двух змей, которых подослала ему на погибель неугомонная Гера. Был и другой, характернейший для Геракла случай, происшедший уже ближе к отрочеству: во время урока музыки он так разозлился на своего учителя, что ударил его кифарой по голове и убил наповал. Такие внезапные припадки неконтролируемой смертоносной ярости будут преследовать Геракла всю жизнь и своей психиатрической достоверностью добавляют реализма этому мифологическому персонажу. После убийства учителя его призвали на суд; он оправдал себя тем, что учитель якобы ударил первым. Наказывать сына Зевса не стали, но Амфитрион все же почел за благо убрать своего божественного отпрыска подальше из города, и вместо уроков музыки отправил пасти стада.

Гера посылает Ириду с Немейским львом. Амфора. Ок.

500 г. до н. э.

Храм Аполлона в Дельфах. Фото 1895 – ок. 1915 гг.

В лесах и горах Гераклу было хорошо. Подросшего юношу периодически навещали боги, дарили подарки: Гефест выковал золотой панцирь, Афина собственными руками соткала одежду, Гермес преподнес меч. Но сам Геракл явно тяготел к простоте – он убил голыми руками горного льва, надел на себя его шкуру так, что череп служил шлемом, а лапы завязал на груди и сделал себе здоровенную палицу из твердого ясе-

ня. В таком виде он явился и на войну: Фивы тогда враждовали с городом Орхоменом, которому платили дань. Геракл решил вопрос так, что в итоге Орхомен стал платить Фивам в два раза больше. Он отрезал пришедшим в срок за данью послам руки, уши, носы и с этим грузом отправил обратно, велел передать, что это все, что Орхомен получит от Фив, а потом разгромил явившееся войско и убил их правителя. Царь Фив Креонт счел за лучшее породниться с необузданным юным героем и отдал ему в жены свою дочь Мегару, которая родила Гераклу трёх прекрасных мальчишек.

Счастье длилось недолго. Мифологическое жизнеописание утверждает, что всему виной была опять Гера, наславшая на Геракла безумие, но, вспоминая учителя музыки, с этим можно и не согласиться. В приступе страшного гнева Геракл убил сыновей, чудом не прикончил жену, перебил почти всех детей своего сводного брата Ификла, побросал их трупы в костер и только после этого пришел в себя.

Похоже, Геракл сам осознавал, что проблема не в Гере. Источники говорят, что он очень переживал случившееся и даже отправился в священные Дельфы, к оракулу Аполлона, чтобы спросить, как жить дальше. Ответом было божественное указание поступить на двенадцать лет в услужение к его кузену Эврисфею, тому самому, который, благодаря Гере, на пару минут опередил Геракла в появлении на свет. Кстати, Диодор Сицилийский, мифограф I в. до н. э., рисует обратный порядок событий: узнав в Дельфах о необходимости

пойти к Эврисфею на службу, Геракл впал в ярость, что и стало причиной кровавой трагедии. С житейской точки зрения это выглядит более правдоподобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.